

АРТЕМ ШУМИЛИН СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР: 6

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 6

«Автор»

«Артем Шумилин»

2023

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 6 / С. Винтеркей — «Автор»,
«Артем Шумилин», 2023 — (Ревизор)

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Город стоит на ушах из-за раскрытого при помощи Павла крупномасштабного хищения на механическом заводе. А городской комсомол ждут новации, которые имеют шанс прославить его на всю страну.

© Винтеркей С., 2023

© Автор, 2023

© Артем Шумилин, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Шумилин, Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 6

Глава 1

22 апреля 1971 г. Святославль

– Объясни подробнее, Пётр, какие аресты? – спросил Ахмад сотрудника изумленно.

– Так моя тетя, значит, с магазина шла и увидела, как вашего заместителя из дома в наручниках выводят и в машину милицейскую сажают, – начал сбивчиво и торопливо рассказывать Петр, поминутно оглядываясь. Видно было, что мужик не на шутку взволнован происходящим.

– А про кого еще знаешь? – спросил Ахмад.

– Из второго цеха еще работников арестовали. Не знаю, кого именно, – продолжил перечислять Петр, – а еще из охраны кого-то, но я точно не знаю. Слышал, как рассказывали. Пока к вам шел, столкнулся с Павлом из третьего цеха. Сейчас полгорода, такое впечатление, по улицам бегают!

Ахмад еще несколько минут поговорил с сотрудником, поблагодарил за информацию, после чего попрощался, и тот пошел домой.

А мы собрались на кухне, немного ошарашенно переглядываясь.

– Так, похоже, что ОБХСС таки вышла на след преступников, – озвучил очевидный вывод Ахмад.

Я согласно кивнул.

– Да, раз аресты пошли, значит предварительную информацию уже собрали и схему выявили.

– И что теперь будет? – озабоченно спросила мама.

Думаю, ее больше беспокоил не сам факт хищений на заводе, а то, как это скажется на Ахмаде и их свадебных планах.

– Сейчас будет много суматохи, – мрачно сказал мой будущий отчим. – Головы полетят. Директору, мне, другим начальникам подразделений тяжело придется. Много объяснений давать нужно будет, как так получилось, что не досмотрели, допустили хищения социалистической собственности. Накажут точно, но вот как именно, это уже время покажет. Смотря кто и в чем замешан.

– Так вы же не причём с директором! – возмущенно воскликнула мама. – Вас за что наказывать?

– Мы руководители, – сурово заметил Ахмад, – должны отвечать за своих подчиненных. Иначе что мы за начальники такие!

Мама вздохнула и расстроено замолчала, думая о своих планах.

Я сидел и размышлял, где мне лучше быстро раздобыть информацию по заводу. К Терентьевым сейчас соваться смысла нет. Если в городе аресты, то братья явно в самой гуще событий и сейчас заняты. К Ивану или в отделение милиции тоже без толку обращаться. Милиция точно также сейчас загружена. Да и опасно там появляться. Заметит кто, пойдут слухи. Либо что меня вызвали по этому делу, и я замешан в хищениях, либо что я милиции помог кучу народу арестовать. А у них всех в городе друзья и родственники. Нет, спасибо, оба варианта так себе. Значит, узнать что-то подробно я смогу только завтра, когда на работу приду.

– Мне завтра в школу идти, – решил встрять я, – или лучше на завод сразу?

– Иди с утра на завод, – подумав, ответил Ахмад, – к Шанцеву с тобой пойдем. Надо раз-узнать подробно, что да как. Кого именно арестовали. У него и узнаем, что дальше делать.

Я довольно кивнул и попросил маму написать мне записку в школу на день по семейным обстоятельствам. Мама кивнула. Засуетилась, пошла искать бумагу и ручку. Вот и хорошо. Пусть займется делом, немного от переживаний отвлечется.

– Надо ее занять чем-то на вечер, – обратился к отчиму, незаметно качнув головой в сторону мамы.

– Сделаем, не переживай, – тот понимающе улыбнулся, – Аришка подолгу не спит, скоро проснется, не до завода Поле будет. Даст ей жару!

Мама вернулась с листом бумаги и быстро накатала мне объяснительную в школу. Аккуратно сложил ее и положил в портфель. Славке надо не забыть отдать, чтобы Кириешке завтра передал.

Посидел еще немного у своих и пошел к другу на ночевку.

Славка, едва я успел зайти, сразу закидал меня вопросами про аресты на заводе. Оказывается, все уже все знали. Слухи распространились по городу как пожар и, похоже, обросли по пути многочисленными «свидетельствами очевидцев». Славка полушепотом сообщил мне, что директора завода выволокли из дома в наручниках, а собаку его застрелили. И дальше в том же духе шли душещипательные подробности происходящих в городе арестов.

– Откуда информация, друг? – поинтересовался я у Славки, довольно скептически восприняв большую часть сообщенных им «подробностей».

– Соседка наша прибежала, рассказала, – ответил Славка гордо, – она с бабушкой дружит, общаются постоянно. Поэтому сразу к нам пришла, как разузнала все.

– Понятно, – я кивнул.

Ну да, как же, Шанцева арестовали!

Ситуация обычная. Маленький город, событий не особо много. Если происходит что-то действительно серьезное, то каждый стремится рассказать информацию как можно большему числу людей, приукрасив ее, чтобы выглядела попривлекательнее.

– Знаешь, как такой источник информации называется? – спросил друга.

– Как? – Славка заинтересованно смотрел на меня.

– «ОБС», – ответил я ему и пояснил, – расшифровывается как «одна бабка сказала». Доверия такой информации немного.

– Бабушка Никитичну хорошо знает, – обиженно возразил Славка, – говорит, ей можно верить.

– А-а! Ну раз бабушка ее знает, тогда это называется «ОБСДП», – рассмеялся я, – то есть «одна бабка сказала, другая подтвердила».

Друг насупился, глядя на меня недовольно.

– Слав, не обижайся, я тоже люблю хорошие истории. Особенно у костра и в отличной компании. Но на будущее запомни, все такие сведения и «свидетельства очевидцев» на веру сразу принимать нельзя, все нужно проверять. Люди любят приукрашивать и дополнять то, что видели, чтобы выглядеть круче в чужих глазах. Ты рискуешь сам попасть в неловкую ситуацию, когда расскажешь серьезному человеку какую-нибудь ерунду, которую тебе с важным видом кто-то наплетет.

Славка все еще дулся, но все же неохотно кивнул, соглашаясь со мной.

– А что касается завода, – продолжил я, – я завтра с утра туда иду и узнаю всю информацию из первых рук. Достоверную информацию, заметь. Все, что будет можно, тебе расскажу. Договорились?

– Конечно. Спасибо! – друг заметно повеселел.

– И еще просьба, – добавил я, доставая из портфеля и отдавая ему мамину объяснительную, – вот записка, передай завтра Кириешке. Мне на работе с самого утра быть сказали.

Уже лежа в постели, вспомнил о другом важном деле. Вся эта суета с арестами на заводе, которая, несомненно, поставит на уши на какое-то время не только сам завод, но и весь наш

город, конечно, будоражила воображение. Но отвлечься от нее было необходимо. Мне же завтра к Сатчану идти по поводу новых инициатив, что помогут ему сделать карьеру и вернуться в столицу!

И вот перед этим разговором мне следовало хорошенько подумать. Потому как у меня был выбор, с какими именно предложениями к нему заявляться.

Из советских инициатив, что можно было ему предложить, я наскреб три. Первая – высадить тысячи деревьев где-нибудь на окраине города таким образом, чтобы получилось какое-нибудь знаковое слово по нынешним временам. КПСС, Ленин, Комсомол, ВКПБ – что-нибудь такое. Да, это не новинка – много кто уже успел так отличиться, но все равно, такую масштабную идеологическую вещь в Москве вынуждены будут заметить, и как-то Сатчана за такой реализованный проект отблагодарить. Сможет ли Сатчан ее организовать? Да, без сомнений. Я вот вообще посмотрю на чиновника в СССР, который посмеет возразить подобной инициативе комсомола. Могут же потом совсем другие люди прийти и спросить, что именно он имеет против КПСС, Ленина или комсомольской организации. Такие, знаете ли, человечки – похоже друг на друга, незаметные, в одинаковых костюмах.

Вторая инициатива – организовать какой-нибудь конкурс. Комсомолок-передовиц труда, комсомольцев-передовиков. Конкретная тематика – уже мелочь при принципиальном интересе заказчика.

Третья вещь – организовать масштабные игры на местах боевой славы Советской армии. Водить молодежь разыгрывать битвы, в которых коричневая чума будет позорно драпать с поля боя под натиском советских воинов. Несомненно, это будет замечено в Москве и оценено.

А когда я перестал вспоминать про инициативы советского комсомола и обратился к опыту двадцать первого века, то первым делом мне, конечно, пришла в голову идея «Бессмертного полка». И вот это на фоне всего остального выглядело как мегабомба!

С точки зрения прагматики это был мощный козырь, который стоило не отдавать Сатчану, а придержать в рукаве до тех времен, когда я сам войду в силу, и смогу застолбить ее авторство за собой, попытавшись заработать на этом дивиденды.

Но, с другой стороны, мне авторство идеи «Бессмертного полка» тоже на самом деле не принадлежит. Это святое. Да и воровать нехорошо, даже идеи из будущего. Я поэтому и не готов присваивать себе еще не написанные песни, или книги – своим трудом всего добьюсь.

Кроме того, «Бессмертный полк» это мощная вещь, что прямо сейчас нужна Советскому Союзу. Мало ли, получится, используя ее, напомнить гражданам СССР их родственников, погибших за страну, и меньше будет желающих в восьмидесятых делить общую страну на отдельные страны, когда Горбачев даст такую возможность?

Да и нужно быть реалистом. Допустим, придержу я эту идею. И сам ее выдвину через несколько лет, будучи, к примеру, комсоргом в МГУ. Если сложится с этим. Каковы шансы, что меня не отодвинут в сторону вышестоящие комсомольские начальники, когда осознают потенциал идеи, и не присвоят себе авторство? Не сказал бы, что шансы мои велики, в Москве такие акулы ловят рыбу, что только держись!

Но, даже если повезет, и заслугу за реализацию мне удастся сохранить за собой, то это не оставит передо мной другого пути, как карьера в комсомоле, и потом в КПСС. Никто не поймет, если автор такого грандиозного проекта вдруг пойдет работать в народное хозяйство. А теперь надо спросить себя честно – а хочу ли я делать сногшибательную карьеру в комсомоле или в партии? Среди людей, что будут поддакивать Горбачеву, когда он начнет разрушать великую страну? Не будет ли меня тошнить при виде ответственных товарищей, которых я, мягко говоря, не уважаю? Ой, будет! Нет, такого счастья мне даром не надо, за любые деньги, привилегии и продпайки.

И была еще одна идея, которая тоже была неоднозначна как по потенциалу, так и по последствиям. Я ее назвал смело – комсомольский аудит. Смысл в чем – присылать спецов

от комсомола для аудита промышленных предприятий. Оценить качество менеджмента, качество продукции, поискать, нет ли хищений. И привлекательная идея же, я сам могу этим заниматься.

Но и подводных камней я видел тоже массу. Как там говорил Остап Бендер Балаганову? «Дальше ваши рыжие кудри примелькаются, и вас просто начнут бить». Ясное дело, кому же такое понравится, особенно, если на заводе будут масштабные хищения. Этак однажды машина с такой вот ревизорской командой может быть проутюжена грузовиком, полным песка. Чтобы уж наверняка всех наповал. Как с Петром Машеровым лет через десять получится. Если я не вмешаюсь, конечно – классный он мужик был, по всем отзывам. Может, если помочь ему выжить, то он вместо Горбачева генсеком станет, и СССР не погибнет?

Но ладно, куда-то меня совсем далеко занесло. Возвращаюсь к идее комсомольского аудита. А с ним, получается, палка о двух концах. И предложить эту идею охота Сатчану, поскольку, если ему понравится, смогу скоро заниматься любимым делом, и помирать молодым неохота...

Решил, что завтра все же еще на свежую голову подумаю. Утро вечера мудренее!

Утром, проснувшись, решил. Пусть Сатчан делает свою карьеру за мой счет, я не против. Главное, что идея «Бессмертного полка» с его-то связями точно не погибнет и начнет победное шествие по всей стране.

Ахмада утром встретил прямо у проходной. Выглядел он невыспавшимся – небось с мамой полночи обсуждали, что теперь будет. Завод выглядел необычно – люди притихли. Ни улыбок, ни расслабленных курильщиков на каждом углу, как раньше. Все передвигались исключительно бодрым шагом с хмурыми лицами – такого я раньше тут не видел. Остро ощущалось напряжение, буквально витавшее в воздухе.

Сразу пошли с Ахмадом к Шанцеву. В приемной было пусто, что было необычно для этого времени.

– У него все это время из ОБХСС сидят, – доверительно снизив голос, сказала нам секретарша, – вот никто и не хочет по любым делам заходить, все откладывают, пока терпит. А вы заходите, вас он велел сразу пустить, как придете!

Шанцев тоже сидел хмурым и в помятой одежде. Напротив него расположился Николай Терентьев. Он что-то говорил директору, когда мы открыли дверь, но сразу замолк.

– Все свои, продолжайте! – кивнул ему директор.

А вот Терентьев хоть явно и не выспался, находился в разительном контрасте с Шанцевым – он был в превосходном настроении. Губы так и расплывались в улыбке. Ну да, и за Ваську-негра отомстит, чего и я хотел, и хищение раскроет его команда такое крупное, что все медали получают и внеочередные повышения. Можно понять, что есть основания для радости.

Терентьев в нашем присутствии рассказал Шанцеву, что двенадцать человек уже арестовано, и часть уже дает признательные показания.

– Помогла, значит, слежка? – спросил я, уловив момент, когда он замолк.

– Да, долго следили без толку, уже устали, а вот позавчера, наконец, сработало! Поехал грузовичок совсем в другую сторону от всех направлений, куда ему могло быть надо по заводским делам. Проследили, вышли на заброшенный склад в пятнадцати километрах от города. Там засаду устроили, и ночью всех, кто заявился, и взяли. Повезло – склад почти доверху был наполнен листовым железом, его пару недель собирали, не меньше, и подельники на четырех грузовиках приехали все забирать. Все тут же рассказали – сколько в месяц в среднем вывозили, с кем на механическом заводе в контакте были – так что вчера вечером мы уже шли по конкретным адресам, пока информация не дошла и не ударились в бег. По цепочке выясняем теперь, кто отвозил, кто пропускал, кто выписывал накладные, составляем список подозреваемых.

– То есть, всех, кто был в стоворе, уже арестовали? – спросил Шанцев, – на свободе только невинные?

– Тут спешить не стоит, вряд ли всех задержали, и вряд ли все, кто уже задержан, виновны. – покачал головой Терентьев. – Среди задержанных могут оказаться невинные люди, следственные мероприятия ещё проводятся, поэтому не делайте скоропалительных выводов и не списывайте сразу арестованных сотрудников со счетов. Вполне может оказаться, что часть из них ни в чем не замешана, их просто оговорили. Они будут впоследствии освобождены. Поймите, мы сейчас вынуждены действовать подобным образом, чтобы никого не упустить, потому что преступная схема очень сложная. В ней замешаны сотрудники разных подразделений завода, поэтому очень важно, чтобы все виновные понесли наказание.

Шанцев понимал. Ахмад понимал. А я как понимал! Потому как в силу собственного опыта сталкивался с подобным десятки раз. Наверняка чаще, чем все присутствующие вместе взятые. Включая и сотрудника ОБХСС – молодой он еще.

Директор кивнул, соглашаясь, что такой подход правильный.

– Так, теперь о том, что от вас потребуется, – сказал Терентьев, – на заводе обязательно в ближайшее время нужно организовать инвентаризационную комиссию для того, чтобы пересчитать всю продукцию. Абсолютно всю и готовую, и сырье, которое имеется в наличии на заводе, тоже. Сверить с документами по той продукции, которая поступала, которая отгружалась для того, чтобы составить полную картину, в каком состоянии находится имущество завода.

Понятное дело – иначе улики не собрать в полном объеме. Чего-то такого я и ожидал. Да, работенка предстоит аховая. Надо еще правильно состав комиссии подобрать, чтобы кто-то из жуликов в нее ненароком не попал.

– Ахмад Нурланович, – обратился сразу Шанцев к начальнику экономического отдела, – займитесь прямо сейчас, пожалуйста, этим вопросом. Надо определить состав комиссии и порядок работ. Как только будете готовы, докладывайте, будем готовить приказ. Павел, вы будете помогать Ахмаду, скооперируйтесь с Ириной Викторовной, она хорошо разбирается в процедуре.

Мы с Ахмадом кивнули и, попрощавшись, вышли из кабинета директора. Кусок работы нам нарезали, можно и делом заняться.

Придя в бухгалтерию, тут же заперлись в кабинете главбуха, ввели ее в курс дела и начали прикидывать, кого можно включить в комиссию.

Неожиданно в самый разгар обсуждения на столе Ирины Викторовны зазвонил телефон. Она сняла трубку, послушала минуту немного удивленно, после чего протянула ее мне:

– Павел, это вас.

Я недоуменно посмотрел на главбуха, и взял у нее телефонную трубку. Тут же услышал встревоженный голос мамы.

– Паша, тут Юлия вся заплаканная пришла вместе со Славой. Говорит, что Игната арестовали!

Глава 2

23 апреля 1971 г. Святославль

И только тут я вспомнил, что Аристарх и Игнат обещались прийти посмотреть на лестницу еще до начала лакокрасочных работ, но так и не появились. А я так замотался с делами, что и не вспомнил. Блин! Неужели Игната тогда уже задержали? Нет, не может быть. Аресты только вчера начались. Значит, в тот раз у них просто не получилось прийти.

Так, и что же делать? Я вот уже Игната и с Юлькой познакомил, а его раз – и в кандалы. Верю ли я, что он виновен? Нет, пожалуй, нет. Не сходится. По обстановке у него дома так не скажешь, там сразу видно, что человек живет на одну зарплату. Хитёр и не светит деньги? Был бы он постарше, да побит жизнью, я может и поверил бы. Но молодой парень, с моей точки зрения достаточно простой – нет, не верю, что он живет скромно, а у самого где-то тысяч пять припрятано, или десять. Не удержался бы, он бы как тот же Митрофан, про которого рассказывал, форсил бы по ресторанам с красивыми девчонками. Так что явно мужик попал в жернова следственной машины и его надо выручать.

Попытался успокоить маму, попросил передать и Юльке со Славкой, что буду разбираться.

Извинился перед Ириной Викторовной и Ахмадом и отпросился – они слышали весь разговор, так что отнеслись с пониманием. Побежал к Шанцеву, надеясь застать там Николая Терентьева. Но его там уже не оказалось. Секретарша сказала, что они с Шанцевым вышли куда-то одетые.

Побежал на территорию искать кого-нибудь из знакомых ментов, узнать, за что Игната задержали.

Увидев у второго цеха Ивана Николаева и младшего Терентьева, я ринулся со всех ног к ним. Они очень удачно вышли покурить, а то где бы я их искал. Но, подойдя поближе, замедлил шаг. Тот еще вопрос – как с ними пообщаться так, чтобы все не поняли, что я с ними давно знаком? Милиционеров тут, мягко говоря, сейчас не любят и боятся. И мне нет резона палиться.

К счастью, они тоже люди понятливые. Рассчитывая на это, прошел перед ними метрах в пяти, делая вид, что незнаком, но взглядом указал на рожицу перед заводской баней. Пошел туда. Аккуратно обернувшись, увидел, что они идут за мной. Когда скрылись от посторонних взглядов среди толстых берез, пришло время пообщаться.

– Здорово, мужики! – обернулся и поздоровался с ними за руку по очереди. – Поздравляю! Молодцы, такое дело раскрутили.

Парни стояли довольные, но сохраняли сосредоточенные лица.

– Я только хотел поинтересоваться, за что Игната Петипа взяли? – прямо спросил я. – Иван, ты же его наверняка знаешь, он племянник Аристарха.

– Шапочко знаком... – буркнул Иван.

– А я хорошо знаком! – заявил я. – Дома у него был. Там и намёка нет, что парень не по средствам живёт. – Однако видя, что Иван не проникся применил запрещённый приём. – Как ты Веронике объяснять будешь, что её двоюродного дядьку арестовал?

Иван переглянулся с Александром Терентьевым.

– Понимаешь, – сдался он и быстро заговорил, – рабочий здешний Митрофан Ворона показания дал, что знать ничего не знает, только указания Игната выполнял.

– Врёт паскуда! – воскликнул я. – Ты видел этого Митрофана? Без слёз не глянешь и работал подсобником. А Игнат? Комсомолец, сварщик прекрасный. И Митрофана этого недолюбливал, открыто критиковал за образ жизни на широкую ногу и нежелание нормально общаться в трудовом коллективе. Вот он и мстит ему.

– Ладно. Не кипишуй. Следствие разберется. Не виноват – отпустим. – остановил меня Александр. – Тут полно виновных, невиновный нам не нужен.

Стало понятно, что больше для Игната я сейчас сделать ничего не могу. Попрощался и пошёл в бухгалтерию, там меня уже, наверное, ждали.

* * *

Рыжий и Геннадьич, что шли из помывочной, но остановились, услышав впереди среди деревьев очень интересный разговор на повышенных тонах, в котором промелькнуло знакомое имя, многозначительно переглянулись.

– Слышал? – спросил седой рабочий приятеля. – Явно менты с кем-то общались. И догадываюсь с кем – по голосу узнал – тот паренек, что в бухгалтерии работает и Ваське морду бил. Надо же, как бухгалтерия за сварщика нашего бьётся, – удивлённо покачал он головой.

– Да... И среди конторских нормальные люди встречаются. – подтвердил Геннадьич, и оба приятеля, выждав с минуту, чтобы милиционеры не догадались, что они слышали разговор, пошли дальше.

* * *

Вернувшись, заглянул к Ирине Викторовне, Ахмад был ещё там.

Они уже прикинули план мероприятий. И составляли список членов комиссии. Пока что в неё решили включить сотрудников бухгалтерии и экономического отдела.

– С одной стороны, чем больше людей, тем лучше. Меньше на каждого работы придется. А с другой... кому сейчас можно доверять? – проговорил с досадой Ахмад.

Я понимал, почему он периодически кривится. Ругает себя, что за собственным замком-прохиндеем ничего такого не заметил. Понятно, есть с чего расстраиваться!

Повисло напряжённое молчание.

Ирина Викторовна, взяв список, вышла из кабинета, оставив дверь нараспашку и передала список Изольде.

– Инвентаризационная комиссия в приказ, – сказала она ей.

Я так понял, что совещание закончилось.

Мы с Ахмадом вышли, и я уселся за свой стол.

– Кстати, – вспомнил я, – случайно, не слышали, для чего металл в таком количестве с завода похищали? Куда его сбывали?

– Железо кровельное куда? – усмехнулся Ахмад.

– А-ааа, тогда понятно. Тогда да. Это хороший был бизнес, – согласился я.

Даже очень хороший. При существующем-то дефиците стройматериалов. Отвези на сотню километров от завода, чтобы никаких следов найти не могли, и продавай небольшими партиями по селам всем, кто строится. С руками оторвут, и цену сбивать даже не будут. Железная крыша в деревне еще с довоенных времен – предмет большого престижа!

– Теперь ясно, чего они так засуетились, что даже на покушение решились, – проговорил я. – Будем надеяться, что никого из мерзавцев на свободе не осталось.

– Всё может быть... Я сейчас ничему не удивлюсь, – махнул рукой Ахмад. – Эх, на своего зама никогда бы не подумал...

– А на кого покушались? – растерянно смотрела на нас с Ахмадом главбух, появившись в проеме двери.

УПС! Шанцев её не посвятил в то, что на Васю-негра напали? Ну да, в принципе, и не должен был, наверное. Нельзя мне в шпионы идти, проколюсь тут же. Когда среди хороших людей нахожусь, расслабляюсь. С другой стороны, и так уже устал, что приходится постоянно

шестнадцатилетним парнем притворяться и ни слова никому нельзя сказать, что 58 лет прожил. Слишком много того, что приходится скрывать по полной программе, вот и прокалываюсь по мелочам.

Изольда, читавшая до этого список, тоже напряженно уставилась на меня, ожидая ответа.

– Так на тройняшку, я металл имел в виду! Простите, неудачно выразился, – придумал я на ходу. – Хотели и её тоже в ход пустить.

Проболтался – выкручивайся, подумал я, заметив ухмыляющийся взгляд Ахмада. Он оценил, как я ловко отбрехался.

– Ой, а меня тоже включили? – испуганно спросила Изольда, изучив список комиссии. – Это точно не опасно?

– Изольда Марковна, – усмехнулся я. – Не бойтесь. Кругом милиция. Нас в обиду не дадут.

– У меня сын, – запричитала Изольда. – У меня человек появился впервые за столько лет. Я не хочу. Я боюсь.

– Ну, Изольда Марковна, вы всегда принимали участие во всех комиссиях, а сейчас сливается. Только подозрения вызовете... – сказал Ахмад.

– У кого? – вытаращив глаза, перебила она его.

– Ясно у кого! – сказал Ахмад, выразительно махнув рукой на дверь. – У следствия! Всё хорошо, вы член комиссии, она большая и никакой опасности нет. Расслабьтесь и работайте.

– Расслабьтесь и работайте, – передразнила его главбух. – Весь город на ушах!

– Ну, так получилось, – развёл руками Ахмад. – Что ж теперь делать? Тоже на уши становиться?

– А когда начнем? – спросил я. Пока велась эта словесная баталия, я помалкивал, но что-то выяснение отношений затянулось. Решил перевести разговор в деловое русло.

– А собственно, что тянуть? – спохватился Ахмад. – Давай я тебя, пока что, со своими сотрудниками познакомлю, которых в комиссию включу. Ирина Викторовна у Шанцева приказ подпишет и приступим.

На том и порешили. Прошли с Ахмадом в его отдел.

– Ну, Апполинарию и Петра ты знаешь, – начал представлять мне своих сотрудников Ахмад. – Тигран Арамович Мелкумян и Жанна Амоевна Хачикян.

Тигран Арамович выглядел как типичный армянин, было ему на вид лет сорок. Среднего роста, полноватый, лысеющий, с хитрым прищуром улыбающихся глаз. Сразу как-то вызывал симпатию. Умеют это некоторые делать, даже совсем не выглядя, как киногерои! Может, потому, что походил на типичного дядюшку, что есть у каждого?

– Тигран, – просто представился он, пожимая мне руку, а я никак не мог отвести взгляда от идеальных стрелок на его брюках.

Как он это делает? Джинсы в прошлой жизни и бабушка в этой, конечно, здорово меня расслабили, давно я не гладил брюк. Хотя, я не один такой. Брюки Жанны, к примеру, вообще не имели стрелок.

Жанна Хачикян лет двадцати пяти на армянку не похожа была от слова совсем. Огромный нос с горбиной, я бы сказал, а не с горбинкой и пышная рыжая шевелюра, как у Анжелы Дэвис, делали её образ комичным. Просто клоун!

Не сумев сдержать улыбки, поприветствовал её. Она совсем не обиделась, видимо, привыкла к такой реакции на свой внешний вид.

– Что, нравлюсь? – улыбаясь во весь рот, спросила она и повернулась ко мне в профиль. Показала мне свой нос во всей красе, комично вздёрнув его, и сама же рассмеялась.

Вот, молодец, не унывает.

– Да уж, от каких же предков тебе такое счастье досталось? – спросил я.

– От предков!.. – прыснула она со смеху. – Это дядя Тигран меня маленькую уронил! Мордой в асфальт.

Тигран смутился. А я с интересом переводил взгляд с одного на другого. Значит, они родственники. Как я про дядюшку угадал!

– Ну, хорошо, нос от дяди Тиграна, – рассмеялся я. – а причёска?

– От парикмахера, – хитро улыбнулась Жанна. – Это химия.

– А рыжий цвет?

– Хна.

Во даёт! Она намеренно довела свой облик до абсурда и совершенно гармонично в нём смотрелась. Интересная личность. Нестандартная для этого времени. Решиться необычно выглядеть в советской провинции – дорогого стоит. Даже страшно представить, как ее заводские кумушки заклеивают в разговорах, наверное, икает постоянно.

Закончил со знакомством, побежал на рабочее место. Пока приказа про комиссию нет, надо делом заниматься. Потом может не оказаться времени. А Изольда не обязана меня постоянно выручать, да и ее саму в эту комиссию включают. Не будет у нее времени.

Кстати, только подумав про Изольду, вспомнил про ее фразу, что она нашла себе мужчину. Ну, дай бог, все у нее сложится! Нашли мы с ней общий язык, и теперь работать стало достаточно комфортно.

Несмотря на всю эту суету, нашел время и чтобы зайти к Сатчану. Все же договаривались, да я и сам заинтересован в результате. Галия обрадовалась при виде меня, но я отметил, что она напряжена. Ну да, сейчас весь завод стоит на ушах!

– Один он? – кивнул я на дверь после объятий и поцелуя.

– Да, заходи, только учти, что он на нервах. Ему уже сверху звонили, там недовольны этими арестами, ругали, что мало занимался воспитательной и профилактической работой на заводе. Мол, комсомол свою роль не выполнил.

Я задумался. Большой житейский опыт свидетельствовал, что к злому начальнику лучше не соваться, а прийти в другое время. С другой стороны, моя ситуация не была типичной. Прямым начальником Сатчан мне не был, а то, что он сейчас еще в более сложной ситуации, чем раньше, мне только на пользу. Тем выше будет ценность моих советов. Да и обещал, что зайду, несолидно нарушать обещание. Решившись, я постучал в дверь.

– Заходите! – услышал голос Сатчана. Ну да, даже по интонации одного этого слова стало понятно, что прежней расслабленности и в помине нет.

Зайдя внутрь, остановился в дверях:

– Договаривались встретиться по инициативам. Актуально, или в связи со всей этой беготней...

– Заходи, заходи! – сказал вспотевший впервые на моей памяти Сатчан, галстук которого свисал влево вместо безукоризненной прямой стрелки, как обычно, пригласил меня жестом присаживаться, – что эта беготня – все, что можно было просрать, уже просрали. Теперь только принимать последствия...

Ну, значит, я правильно оценил ситуацию – теперь я ему еще больше нужен. Это хорошо.

– Итак, первое предложение – комсомольский аудит. – начал я излагать. – Предлагаю сформировать группу понимающих в работе заводов комсомольцев, включая меня, и начать проверять промышленные предприятия. Там можно много чего накопать, всяких нарушений, очень хорошо для отчетов...

– Идея хорошая, но это уже есть, – сказал Сатчан, прервав меня, – называется «Комсомольский прожектор». Сотрудничество с органами народного контроля, да. Кстати, я тоже участвовал, у меня даже и значок есть. Сейчас покажу.

Порывшись в ящике стола, достал и положил на стол значок. Ленин, как водится, с надписью «ВЛКСМ» понизу, а под ним надпись «Комсомольский прожектор».

Да, никогда еще Штирлиц не был так близко к провалу! Я и понятия не имел, что такое движение существовало. Впрочем, понятно почему – в прошлой жизни я был членом комсомола, но на руководящие должности не лез, и просто платил членские взносы. На жизнь зарабатывал, и дальше комсомольского субботника и участия в демонстрациях в дела комсомола не влезал. Вот откуда бы я и узнал? Блин, неудобно-то как! Пришел комсорга жизни учить, а на самом деле рассказал ему бородатый анекдот.

– Ты не тушуйся так! – заметил флегматично Сатчан, – никаких претензий – напротив, я доволен, что ты сам, по сути, с нуля придумал то, что изобрели только девять лет назад. Это серьезная заявка!

Нет, решительно, этот парень умеет работать с людьми. Снимаю шляпу! Сатчан только что вырос в моих глазах.

– Можно еще из деревьев надпись сделать «Ленин», «КПСС» или «ВЛКСМ», – продолжил я, – такое уже делали, но мимо этого, ясное дело, центральная пресса не пройдет. И корреспондента пришлют, и фото сделают, и передовицу опубликуют в одной из самых серьезных газет. Региональной прессой не ограничится.

– А вот это уже интересно! – сказал Сатчан, – впрочем, и по «Комсомольскому прожектору» идея правильная, здесь этим никто серьезно не занимается, только для галочки. А можно же развернуться как следует. Как ни жаль, можно было и прямо здесь, на заводе, развернуться, если бы знать раньше, что тут целая сеть расхитителей обосновалась. Был бы огромный плюс!

А вот тут он прав – надо было мне раньше подумать. Свести его с ОБХСС, сразу, как он приехал, и предложить помощь в расследовании. Да, упущенная возможность! Но мне теперь не стоит точно рассказывать, что я был в курсе происходящего, комсорг точно расстроится. Впрочем, я и не собирался.

– А ты потянешь эти расследования? – спросил Сатчан, – впрочем, раз тебя в бухгалтерию взяли, то, видимо, понимаешь, что предлагаешь. Пишу для проработки обе инициативы! Спасибо!

И он взял ручку и открыл блокнот, собираясь сделать запись. И посмотрел на дверь со значением – мол, можем заканчивать.

– Есть еще несколько идей, – сказал я, к его удивлению.

– Ну-ка, излагай! – загорелся Сатчан.

Рассказал ему по игре по мотивам сражений советской армии – он неподдельно заинтересовался. Но предложение про организацию конкурсов передовиков оставило его равнодушным. Тогда я решил:

– Есть еще одна идея. Но это уже прямо идеологическая бомба. Она взорвет умы в Москве, и твоя фамилия с гарантией прозвучит в Политбюро. Огромные перспективы!

Сатчан подобрался, и даже взгляд у него стал хищным. Он в силу своего аппаратного опыта понял, что я не шучу и не преувеличиваю. И что-то у меня есть почище переизобретения «Комсомольского прожектора».

– Но хочу сразу договориться, чтобы не было потом недопонимания и разных нежеланных проблем. Я на авторство этой идеи не претендую. Я никогда не всплыву нигде и не начну говорить, что это я придумал, а не ты. Могу даже честное слово дать, а если хочешь, то бумагу написать, что не имею к ней никакого отношения.

Сатчан кивнул. Он понял, о чем я. И смотрел на меня теперь немножко даже восхищенно.

– Тебе точно шестнадцать лет? Откуда понимание таких нюансов? – спросил он меня.

– Умные люди говорят, а я прислушиваюсь, – сказал я, – мы поняли друг друга? Меня не надо будет отсылать подальше, где меня никто не услышит. Не надо рушить мою карьеру, следя за тем, чтобы я не занял должность, с которой мои претензии на авторство

будут звучать весомо. Я дарю эту идею целиком и полностью с одной просьбой реализовать ее по максимуму. Чтобы она заиграла всеми красками.

– Но почему ты отказываешься от возможной славы? – Сатчан был подозрителен.

– Меня вот вообще никак не прельщает карьера в комсомоле или партии, – пожал плечами я, – я готов оказать содействие, но хочу работать в сфере народного хозяйства. Со временем стать директором или замдиректора завода, к примеру. Но никаких освобожденных должностей, никакой партийной карьеры. Экономика – то, что меня интересует больше всего.

– Ну, я к этому могу отнестись только с уважением, – сказал Сатчан, – стране нужны и замдиректора, и директора! Я тебя понял, договорились, излагай!

Я изложил. Со всеми деталями. Красочно расписал, как вслед за живыми ветеранами могут идти родственники погибших с их фотографиями. Какой это будет иметь мощный идеологический эффект – советские воины всегда в строю! Комсорг проникся. Очень проникся. Не то что не перебил меня ни разу, пока говорил, а слушал меня так сосредоточенно, как евреи пророка Моисея. И даже когда я закончил, молчал с минуту, продолжая что-то калькулировать в голове. А затем сказал:

– Я думал, что ты перегнул про идеологическую бомбу... Но ты прав – это взорвет Москву. Спасибо, Паш! Ты, наверное, считаешь меня карьеристом, но я добро помню!

Глава 3

23 апреля 1971 г. Святославль

Не имей я жизненного опыта, то, слушая сейчас Сатчана, я б даже проникся и поверил. Но в моей длинной прежней жизни не раз были такие сцены. Когда я очень помогал кому-то, и этот человек чуть ли не клялся в вечной дружбе, любой помощи, когда бы то ни было, едва она мне понадобится. Вот только, из всех говоривших это, только один человек чем-то и помог, когда реально помощь понадобилась. Остальные нашли веские причины обо всем позабыть. И это, увы, в человеческой природе. Когда ты чего-то добился, хочется быстро забыть, кому ты этим успехом обязан. Потому как тогда это будет уже не совсем твой успех, а это больно бьет по самолюбию.

Так что к словам Сатчана, что он добро помнит, я серьезно не отнесся. Поможет поступить в МГУ или МГИМО – уже хлеб. А лучше всего, если он будет помнить о том, что я могу быть снова полезен однажды. Только это и сделает возможной какую-то благодарность с его стороны в будущем. С расчетом на то, что я еще что-то ценное для его карьеры придумаю.

– Да нет, я не думал о тебе плохо! – не моргнув глазом соврал я, – я что рекомендую, тебе нужно застолбить за собой эту инициативу просто железно, чтобы никто из вышестоящих товарищей ее себе не смог присвоить, оттеснив тебя.

– Да уж, такая опасность определенно есть! – немедленно согласился Сатчан, – правда, есть еще один вариант – найти такого могущественного соавтора инициативы, чтобы никто не посмел ему вызов бросить! Но тут надо серьезно думать, чтобы он сам меня не слил...

– Как вариант – да. Но если решишь выдвигать инициативу в одиночку, то стоит озаботиться доказательством авторства. Вызвать, к примеру, корреспондента какой-нибудь «Брянской правды», накрыть ему хорошую поляну, чтобы благодарен был. И дать ему для публикации готовую статью со всеми деталями инициативы «Бессмертного полка». И тогда, если кто-то в Москве начнет фантазировать о том, что это его идея – всегда можно положить на стол ответственных товарищей этот номер газеты.

– В Брянске нет «Брянской правды». Но есть две подходящие газеты – «Брянский рабочий» и «Брянский комсомолец» – задумчиво сказал Сатчан.

Я энергично кивнул, не став больше ничего говорить. Пусть человек в тишине подумает.

Сатчан подумал. Потом торжественно встал. Я тоже встал – когда начальники с таким видом встают, то обычно начинают вручать ордена, медали и путёвки в дома отдыха – сидеть невежливо. Но ограничились тем, что Сатчан крепко пожал мне руку и сказал:

– Спасибо, тезка, ты меня очень выручаешь! Не забуду!

И на этом мы расстались.

* * *

Сатчан долго неподвижно сидел после ухода Пашки. Практически неподвижно, хотя это и было ему несвойственно. Впервые его посетили сомнения. Кто такой этот чудесным образом появившийся на их заводе Павел Ивлев? Что это за школьник, так хорошо разбирающийся в сложных интригах и способный генерировать невероятно многообещающие идеи? Как это вообще возможно?

Сатчана посетила неприятная мысль, что это может быть подстава. Мог ли кто-то из его конкурентов решить окончательно добить его, подослав к нему этого Пашку? Сатчан живо представил, как он, по совету Ивлева, вызовет к себе корреспондента «Брянского комсомольца», расскажет о «своей» идее «Бессмертного полка», а через пару дней после того,

как статья выйдет, открыв «Известия» или «Правду» увидит фельетон про зарвавшегося комсорга из Брянской области, нагло ворующего идеи школьников. И все, прощай карьера – после такого быть ему комсоргом колхоза в Якутской АССР, забыв о мечте вернуться в Москву на теплую должность. Сатчан, правда, не знал, есть ли в Якутии колхозы, но в любом случае не испытывал никакого желания лично проверять их наличие в результате такого хитрого хода конкурентов.

Забыв о том, что его волновало сильнее всего с утра, о громком деле с масштабными хищениями, Сатчан погрузился в прикидки, кто бы мог так его ненавидеть, чтобы с ним так поступить, подослав Пашку. Были, конечно, у него враги, как без этого, но вот таких, чтобы зайти настолько далеко и с таким нетривиальным ходом, он никак припомнить не мог. Те, про которых он знал, были вполне удовлетворены его позорной ссылкой в Брянскую область – по московским меркам, он уже упал ниже некуда. В результате долгих размышлений так никого и не смог припомнить настолько злобного и умного, чтобы все это организовать. Но все же решил, что, во-первых, надо разузнать побольше о Павле Ивлеве, чтобы решить, может ли он вообще быть подставным посланным казачком, и, во-вторых, подстраховаться с этой инициативой «Бессмертного полка».

По поводу второго момента у него сразу нарисовался неплохой вариант. Осталось решить, как побольше разузнать о Павле. Идею обратиться к Галии Сатчан было отверг – насколько он понял, она с Павлом познакомилась примерно тогда, когда и он сам. Но затем, подумав, все же решил, что в ней есть смысл. Парень явно в нее влюбился, поэтому мог ей проболтаться о чем-то, что для самой Галии не важно, зато Сатчану может дать какие-то дальнейшие догадки... Только надо придумать сначала, как так ее расспросить, чтобы Пашка не насто-рожился...

* * *

– Надеюсь, теперь у твоего босса настроение будет получше, – сказал я Галие, поцеловал её и пошёл к себе в бухгалтерию.

У нас, к моему удивлению, толпились женщины, знакомые мне и не очень.

– Вот он! – воскликнула Изольда, увидев, как я вхожу и сажусь на своё место. – Павел Тарасович. Расчётную часть тоже в комиссию включили, девочки пришли узнать, что им делать?

По нескрываемому любопытству на лицах «девочек», которым было в основном хорошо за сорок, я понял, что пришли они не столько на инструктаж, сколько за свежими сплетнями про ситуацию, взбудоражившую весь заводской коллектив.

– Дамы! – встал я со своего места. – Прикройте, пожалуйста, дверь, – попросил я одну из бухгалтерш для придания секретности и драматизма своему выступлению. – Дамы, нам с вами доверили очень важное дело. Все вы знаете, что на нашем заводе ведётся расследование серьёзного хищения, – женщины шумно выдохнули хором. – Наша комиссия в рамках расследования уголовного дела должна определить масштаб хищений с конкретными цифрами. Работать будет в комиссии не только бухгалтерия, но и экономический отдел. Изольда Марковна готовит приказ, когда он будет подписан руководством, приступаем.

Сел на своё место и взял в руки путёвки, давая понять присутствующим, что пока больше мне им сказать нечего. Женщины потихоньку вышли из кабинета и прикрыли за собой дверь.

Тут же открылась дверь кабинета главбуха и выглянула Ирина Викторовна.

– Ну, Пашка, ты даёшь! – восхищённо произнесла она. – Выступил, как на пленуме ЦК КПСС.

– Да, ладно... – усмехнувшись, ответил я. – Будет нужно – обращайтесь!

– Ирина Викторовна, а что, субботник-то будет? – спросила Изольда. – Или отменят из-за всего этого?

– Субботник отменяют? – удивилась главбух такому вопросу, – если субботник отменяют, то у нас будет еще одна комиссия, помимо товарищей из ОБХСС. Партийная. Искать, кто против партии что-то настолько имеет, что субботники отменяет. Будет он, обязательно будет! Чистота и уборка расследованию не мешают.

– И шашлык будет?

– А почему нет?

– Ну, у нас такое ЧП на заводе...

– Ну, да. ЧП... Но это ж не траур, – задумчиво произнесла главбух. – И так весь коллектив взбудоражен, никто не работает, из рук всё валится...

– Что у кого валится?! – услышали мы зычный голос Шанцева, только что вошедшего к нам.

– Да говорю, с этими событиями все на нервах, никто работать не может, – заявила главбух.

– Ещё одна... – ответил ей Шанцев. – Сейчас Ахмад подходил, спрашивал, может свадьбу перенести... Что вы все, в самом деле? Что такого произошло? Жизнь продолжается! Вычистим из своих рядов всю мразь и с новыми силами в бой!

– Прошу прощения, – встрял я в их разговор. – Так что со свадьбой-то решили?

– Что решили? – посмотрел на меня непонимающим взглядом Шанцев. – Празднуем! Само собой. Ещё не хватало, чтобы мы из-за кучки хапуг планы свои меняли! Не дождутся! Да, Ирина Викторовна?

– Наверное... – неуверенно ответила главбух.

– Никаких наверное! – навис над ней директор. – Чтоб на свадьбе все были! Как планировали. И хватит этих пессимистичных настроений. Вы какой пример подчинённым показываете? – строго отчитал Ирину Викторовну Шанцев и вышел из кабинета, на ходу подмигнув мне, типа понял, как с ними надо?

Мне оставалось только сочувственно развести руками, глядя на Ирину Викторовну. Она небрежно махнула рукой в сторону двери, через которую только что вышел Шанцев.

– Бойся не ту собаку, которая лает, – нравоучительно сказала она мне, – а ту, которая молчит.

Да уж, мне все больше кажется, что Шанцева с главбухом связывают совсем не только служебные отношения. Что-то она себе уж очень много позволяет в отношении директора...

Ирина Викторовна скрылась у себя, а я решил прояснить один заинтересовавший меня момент.

– Изольда Марковна, а про какие шашлыки вы её спрашивали? – уточнил я, кивая в сторону двери в кабинет главбуха.

– Субботник! У нас каждый год сабантуй! Шашлыки, музыка...

– А уборка?

– Ну, и уборка, разумеется, – пожала плечами Изольда. – Часов до двенадцати – до часу поработаем, а потом гулять! – она изобразила плечами выход под «Цыганочку».

Улыбнулся, представив её в неформальной обстановке и с граблями в руках. Она всё больше симпатии у меня вызывала. Во всяком случае, от прежнего к ней враждебного настроения у меня осталось совсем немного. Да и вообще трудно испытывать негатив к женщине, сына которой наставлял на путь истинный. Уже видишь ее как живого человека.

Разобравшись с путёвками, решил сходить к Ахмаду и маме.

Маму не застал.

– А где она? – спросил я Ахмада, показав на мамин стол.

– Так она же три дня за свой счёт взяла на свадьбу, – пояснил мне будущий отчим.

– А утром была...

– Насчёт яслей приходила, документы уже собирает, обещали место после майских праздников.

– О! Хоть одна хорошая новость... Слушай, – присел я на стул рядом со столом Ахмада. – Завод останавливать надо, – у Ахмада округлились глаза. – Ну хотя бы запретить движение ТМЦ между подразделениями. Под страхом смертной казни запретить! И считать всё и везде. Даже в катакомбах под заводом.

– Ну, я не знаю... Как ты себе представляешь: завод остановить? – с сомнением в голосе ответил Ахмад и откинулся назад, отодвинув от себя бумаги, с которыми работал.

– Этот завод всё равно по три недели стоит, потом за неделю месячный план делает! – настаивал я на своём. – По отчётам тут всё в порядке, ты сам знаешь. Единственный наш шанс что-то обнаружить – это найти неучтённые излишки.

Ахмад согласно кивнул.

– На ворота амбарный замок надо повесить, никого не выпускать и не впускать без личного распоряжения директора и тщательного досмотра. Чтоб эти самые излишки контролировать, если они есть.

– Ворота и так милиция контролирует.

– Это-то понятно, – хмыкнул я. – Вывезти нельзя, но передать-то в другой цех можно!

– Это что же получается, не только ворота надо контролировать, а и территорию завода тоже? – задумчиво произнёс Ахмад.

– Правильно. Вот, пусть этим милиция тоже занимается, надо им подсказать! – сказал я. – А то свои начнут друг с другом договариваться. Типа, Вась, дай я у тебя, пока у меня проверка, пару тонн металла подержу? С меня причитается! – я постучал себя под подбородком, изображая договаривающегося.

– Что прав, то прав, хорошая идея! – хмыкнул Ахмад. – Сейчас же схожу к Шанцеву. Пусть в горисполком съездит, насчёт милицейского поста внутри территории завода договорится. Тогда с проверкой можно будет горячку не пороть, а не спеша всё тщательно облазить.

– Несколько постов! Где-нибудь на крыше, – подсказал я.

Вернувшись в бухгалтерию, застал тишь да гладь. Текущая работа была уже сделана. Сходил в столовую, пообедал. Достал химию, но в голову ничего не лезло. Ничего, пару глубоких вдохов, выдохов, и принялся за учебу. Слово дал пацанам – держать надо.

Через полчаса вернулась откуда-то главбух.

– Что приказ, подписали? – спросил я её.

– Шанцев в исполком уехал, – разочарованно ответила она. – Может до конца дня там проторчать.

– Значит, мы сегодня вряд ли начнём инвентаризацию?

– Похоже на то...

– Ирина Викторовна, свои полдня я сегодня уже отработал. Делать сейчас больше нечего. Можно я пойду? Дел очень много накопилось, свадьба мамина, школа... – попросил я, а сам думал об Аристархе. Старик наверняка очень тяжело перенес весть об аресте Игната. Не дай бог свалился у себя с инсультом, а помочь и некому.

– Иди, что уж там... Но завтра с утра приходи.

– Конечно.

Попрощался со всеми и побежал к Галие, сказал, что уже ухожу и не смогу её проводить сегодня.

Выходя из проходной, специально посмотрел, есть ли милиция. У ворот за территорией реально стоял жёлто-синий милицейский УАЗик. Когда на работу шёл, не заметил его.

По тропинке вдоль железной дороги вышел на Ленина и сразу направился к дому Аристарха. Естественно, почти сразу наткнулся на Аркадия, НВП-шника нашего.

– Павел! – удивился он, увидев меня. – А почему тебя в школе не было?

– На работе кипеж из-за хищений, – объяснил я.

– Что ж, тебя и завтра не будет?

– Наверняка.

– И в субботу? Смотри, субботник прогуляешь, потом один отрабатывать будешь.

– У меня свадьба у мамы в субботу, – озадаченно пробормотал я. – Это не освободит меня от субботника?

– Это я не знаю, с классным руководителем своим поговори, – усмехнулся Аркадий и протянул мне руку, прощаясь.

И когда мне с ней разговаривать? Я в школу теперь попаду не раньше понедельника. Так и пришёл к Аристу весь озадаченный. Он встретил меня, хмуро насупившись. Фух, сразу от сердца отлегло – на вид нормально переносит плохую новость!

– Я знаю про Игната, – сразу сказал я ему, протягивая руку.

Аристарх кивком головы молча пригласил меня войти. Вероники дома не было и можно было откровенно поговорить.

– Я говорил сегодня с милиционером знакомым из ОБХСС. Он мне шепнул, что один гад, что с Игнатом работал, явно замазанный в хищениях, указал на Игната, как на сообщника. Они конфликтовали между собой, Игнат его образ жизни открыто критиковал. Вот этот гад и тянет его за собой в отместку!

Аристарх оживился, стукнул себя по колену кулаком.

– Спасибо, Паша! Ясно же, племянш невиновен ни в чем! Не такой он парень! Хорошо его воспитывали!

– Я товарищу из ОБХСС всё это сегодня рассказал, мне обещали разобраться, – поспешил я успокоить его. – Всё будет хорошо. Его обязательно выпустят.

– Я так и знал! За правду пострадал парень! – воскликнул Аристарх и тут же скорчил гримасу, схватившись за грудь.

– Ничего, всё устаканится, – старался успокоить его я. – Всё будет хорошо. Не переживайте так. Может, какое лекарство стоит выпить? Что с сердцем?

– Выпил уже все, что нужно, – вздохнул Аристарх.

Но я все же опасался оставлять его одного в таком состоянии, поэтому фактически напросился попить чаю. Хорошо, что вскоре пришла Вероника. Намекнув ей жестами, что у Аристарха сердце прихватывает, попрощался с ними и пошёл успокаивать Юльку.

Юльку было не так просто успокоить, она или шмыгала носом, вытирая опухшие глаза, или редела в голос. Мама её прыгала вокруг дочери, как вокруг принцессы, не зная, чем бы её ещё отвлечь.

Сказал им всё то же самое, что и Аристарху. Легче Юльке не стало. Женские слёзы – это та ещё пытка, особенно когда они горькие, особенно когда есть реальный повод... Помочь я больше подруге ничем не мог и пошёл к Ивану Николаеву узнать последние новости и про Аристарха рассказать.

Иван вышел на лай своего пса, накинув форменный китель, или просто переодеться ещё после службы не успел.

– Есть какие новости про Игната Петипа? – сходу спросил я.

– Других задержанных допрашивают, пока никто участие в деле Игната не упоминал. Так что, есть вероятность, что его скоро выпустят.

– Это хорошо. Я сейчас у Аристарха был, он чернее тучи и за сердце хватается. Ты бы сходил к нему, рассказал бы об этом, чтобы он почувствовал нашу заботу, что он не один.

– Он и так не один. С ним же Вероника.

– Иван! – возразил я ему. – Чем ему Вероника сейчас помочь может? А ты целый милиционер! Ты руку на пульсе держишь. Одно дело неизвестностью мучиться, другое знать, что всё потихоньку разруливается, и Игната скоро выпустят.

– Я понял, – остановил меня Иван. – Опасно для меня, если потом узнают, что хожу и разбалтываю такие вещи, но что делать, схожу.

Да уж, и упрекнуть трудно, что не хочется ему к деду идти. Работу потерять боится, оно и понятно. Да и неудобно, что помочь не может. Для Аристарха же он серьезный человек – тот сразу потребует освободить Игната. А он же ничего не решает...

Вспомнил, что Славке обещал рассказать, что там с Игнатом и Юлькой...

Пошёл к Славке. Посетила мысль, что я как Колобок сегодня. Тот тоже с места на место непрерывно катался... К лисе не пойду! Хотя, если хорошо подумать, у лисы в лице Сатчана я уже был сегодня.

Рассказал Славке, всё как есть, про ЧП на заводе, про разговор с милицией. Все, что мог рассказать, конечно, без лишних деталей. Но Славка как-то странно на мой рассказ реагировал, как будто ему всё это неинтересно. В конце концов, не понимая, что происходит, умолк и уставился на него в упор.

– Тут такое дело... – замялся Славка.

– Ну, говори!

– Эмма считает, что Юлька беременна.

Глава 4

23 апреля 1971 г. Святославль

– Что???! – спросил я, глубоко шокированный такой новостью.

– Я тоже так, сначала... Но, послушай, Эмма говорит, что у неё мать тоже всё время за живот держалась, когда малыши беременела. И бледная Юлька вся какая-то, прямо зелёная. И качает её. Встала со стула, а её повело, чуть не упала. Тошнило её ещё. Два раза.

Точно. Зелёная. Подумал, наревелась, а оно вон оно что...

– Но как же так? – ошарашенно спросил я.

– Вот, как-то так.

– Она же умненькая девочка, ей учиться надо было идти после школы. А теперь что?

Славка удрученно пожал плечами, как будто это он во всём виноват.

И что мне теперь делать? К Юльке обратно идти? Если это все правда, она сейчас просто в предынфарктном состоянии. Забеременела вне брака, парня арестовали... Интересно, а тётя Настя в курсе?

Пошёл обратно к Юльке.

Отодвинул тётю Настю в сторону, поднял Юльку с места и уверенно заявил:

– Мне бабушка сказала, что тебе погулять надо, проветриться, легче будет. Одевайся. На улицу пойдём.

К моему удивлению, Настасья, как звал её Юлькин дед, меня поддержала и выпроводила дочь прогуляться. Я специально наблюдал за Юлькой, она действительно прижимала периодически ладонь к низу живота.

– Скажи мне, подруга, это правда, что ты беременна? – спросил я, когда мы вышли на улицу.

Юлька посмотрела на меня своими огромными удивлёнными глазами и горько-горько разревелась, прижавшись ко мне.

– Так, хватит слёзы лить, – строго сказал я ей. – Это для малыша вредно.

Юлька сразу попыталась взять себя в руки, услышав про ребёнка.

– Подыши глубоко, успокойся, – наставлял я её. – Твои знают?

Юлька отрицательно покачала головой, не поднимая на меня глаза.

– Это плохо, тебе к врачу надо.

Юлька потерянно уставилась в одну точку, видимо, представляя себе, что начнётся, скажи она дома про свою беременность.

– Ладно, не говори никому ничего, пока Игната не выпустят. Береги нервы. Когда он рядом с тобой стоять будет, никто тебя не посмеет ни в чём обвинить.

Юлька испуганно уставилась на меня. Потом кивнула. Да, сейчас такое время, что эта новость как бомба рванет. Девчонке не позавидуешь. Много характера понадобится, чтобы все выдержать.

– Все будет хорошо. Вы справитесь. Игнат – хороший парень и человек ответственный, – сказал я ей. – Пойдём провожу тебя, а то простынешь ещё на ветру.

Возвращаясь домой, не сразу обратил внимание, что у нашего дома все окна и двери нараспашку. Несколько раз мимо туда-сюда за вечер пробежал и не заметил. Сумасшедший день какой сегодня. Зашёл в хату, а это бабуля вернулась от Никифоровны и решила выветрить остатки запаха лака. Малая с мамой у Ахмада. Почему бы и нет. Да, пора уже возвращаться!

Сел ужинать. Взгляд зацепился за вскрытый конверт, лежащий в центре стола. Глянул на обратный адрес, от Инки. Что пишет? Почерк будущего медика разобрал с трудом и не везде. Понял, что Петр уже уехал к новому месту службы куда-то в Предуралье. Сестра осталась

одна доучиваться в Перми. Скучает и по ребёнку, и по мужу, и по всем нам. Показалось даже, что вижу на письме следы от слёз.

Мне стало так жаль её. Несмотря на все её закидоны, девчонка она хорошая. Интересно, получится у неё нас навестить? Свадьба матери – хороший повод, должны отпустить. И малышку увидит, и развеется.

– Ба, а Инка сможет приехать?

– Не знаю. Надеюсь, – ответила она. – Как отпустят...

– Что, могут не отпустить? – озадаченно спросил я, вспоминая, что с заведованием у Инки, вроде, неплохие отношения. Если только после практики она опять в институт не вернулась... Там Инну не любят.

Бабушка промолчала. Она так часто делает.

– Так пусто в доме стало без мамы и Аришки, – задумчиво сказал я.

– Ничего, завтра вернутся, – ответила бабушка.

– Почему? – встревожился я, первым делом подумав, что молодые рассорились.

– Так невесту же из дома выкупают, – с усмешкой ответила бабушка. – А ты что подумал? Ну да, верно же! Один из самых потешных элементов свадьбы, если верно все разыграть.

– Да, ба! Чуть не забыл! Меня на работе в инвентаризационную комиссию включили.

Придётся завтра школу прогулять, напиши, пожалуйста, записку на завтра и на субботу.

Побежал затем к Славке записку относить, чтобы передал.

– И в субботу тебя не будет? – удивился друг, прочитав бабушкину поэму. – Ох, Кириешка не любит, когда суббота прогуливают.

– Я не прогуливаю! У меня мама замуж выходит. О! Скажи ей, я отработаю в другой день! Пусть мне фронт работ оставит.

– Ну ладно, – ухмыльнулся Славка.

Вернулся домой. Вымотался так, что урок французского с бабушкой пришлось свернуть достаточно быстро. Засыпая, всё думал, как же так? Со мной Юлька не могла решиться на невинный поцелуй. В щечку целовал, как газель в сторону отпрыгивала. А с Игнатом всего ничего повстречалась и уже беременна. Да уж, похоже, что наличие своей жилплощади у отдельных холостяков повышает демографию страны в целом. Или все же любовь-любовь, которой изначально со мной не сложилось?

Кстати! Не забыть надо завтра сметану забрать у Мишкиной мамы. И торт же завтра напросился к Галие печь.

Утром Славка приехал на зарядку на мотоцикле.

– Слав, ты бы бегал лучше, – сказал я. – Всё пользы для здоровья больше. А так, по тебе соседи уже небось вместо будильника встают.

– Угу, – отстраненно буркнул он и повис на соседнем турнике.

– Что озадаченный такой опять? – спросил я.

– Да, не знаю, что делать. У Эммы двадцать восьмого в среду день рождения. Шестнадцать лет всё-таки! Надо отметить. А у них денег нет. С Кларой Васильевной вчера говорил, она руками разводит, куда, говорит, к нам гостей? Тут дети малые покоя никому не дадут, дед больной. Вот я и думаю, что делать?

– А сколько человек ты хочешь пригласить? – поинтересовался я. – Может, в кафе?

– Ну, если только вдвоём с ней, – расстроено ответил Славка. – На целую толпу гостей у меня денег нет.

– Не, ну ты чего? – возразил Тимур, усевшись на брусках. – Вдвоём это что за шестнадцать лет? Тут настоящий сабантуй нужен! С гостями, с подарками.

– А Тимур прав, – поддержал я брата. Я, конечно, могу предложить Славке помочь ему деньгами на кафе, но это не педагогично. Посмотрим, что парни придумают.

– Слушай, а она не обидится, если мы ей вместо подарка на кафе скинемся? – спросил Мишка.

– Нет, конечно! – воскликнул повеселевший Славка. – Она вообще думает, что без дня рождения в этом году останется.

– Значит, решено? Скидываемся на кафе? – оглядел я ребят. Вот, это другое дело! Молодцы парни.

– По сколько? – кивнув головой, спросил Тимур.

– Мы же каждый со своей девушкой будем, – ответил я. – Надо прикинуть, что мы каждый купим и умножить на два.

– Кстати, подарки попросим девчонок сделать, – предложил брат. – У меня Ветка такую колбасу шоколадную делает! В формочках. Сложит в коробочку какую-нибудь красивую, вот и подарок.

– Точно. Я Наташке скажу, – одобрил идею Мишка.

– Что за Наташка? – заинтересовался я.

– Девчонка соседская, – отмахнулся Мишка, сразу засмутившись. – Не подумайте чего! Маленькая ещё, в восьмом классе учится. Смотрит на меня, как будто я Гойко Митич, Чингачгук.

– Это она сейчас маленькая. А через два года? – подмигнул я ему. – Приводи, заценим твою Наташку.

– Парни, а с выступлением-то на концерте что делать будем? – вспомнил Мишка. – Мне одному, что ли, с пилой отдуваться? Засмеют, подумают лесоруб заблудился...

– Не, зачем же одному? – пробормотал я. – Давайте, подумаем, кто чем шуметь будет?

– Вы, главное, скажите мне, какую мелодию мне учить? – подсказал Мишка.

– Вставай, страна огромная! – предложил Славка.

– Куда вставай? – усмехнулся Тимур. – Уже победу празднуем. Взвейтесь кострами...

– Это я не сыграю, – возразил Мишка.

– Давайте, «Катюшу» попробуем, – предложил я. – Беспроектный вариант.

– Да, ритм простой, – Тимур начал ритмично постукивать по турнику.

– О! Барабанщик у нас есть. Поставишь пару металлических вёдер кверху дном и стучи, как на барабанах. Только вёдра нужны разного размера. – подсказал я. – Я сделаю маракасы из металлических банок консервных с горохом. Слав, а ты на чём будешь играть?

– Тоже на мармакасах, – усмехнулся друг. – Что это такое?

– Не мармакасы, а маракасы. Погремушки такие, ими надо трясти ритмично. У меня с горохом будут – один звук. А ты с монетами или гайками сделай – другой звук получится.

– Лады! – оживился Славка. – Просто трясти и всё?

– Ритмично трясти! В такт музыке, – ответил я. – Короче, парни, порепетировать хоть немного надо.

– Ко мне приходите, – предложил Тимур.

– Зачем к тебе? – удивился я. – У меня чердак целый свободен. Или бабушку на время репетиции попросим погулять, и тогда можно вниз.

– Ну, у меня Ветка сейчас вечерами торчит. К экзаменам готовимся...

– С Веткой приходи.

– Она с малой своей... оставить не на кого.

– С обеими приходи, – махнул я рукой на брата. – Что ты как маленький!

– А ты ещё фокусы обещал! – напомнил брат.

Фокусы! Только фокусов мне сейчас не хватало. Я про них и забыл, даже книжку не полистал. Да еще и мысль возникла как-то, и прочно засела – а на такой праздник фокусы вообще нормально воспримут?

– Может, ну их эти фокусы? – спросил я, глядя на Тимура. – День победы, какие фокусы?

– Здравствуйте, приехали, – растерялся брат. – Мы же рассчитывали на твой номер.

– Будет другой номер. Девчонок маленьких научим маршировать строем под «Путь-дорожка фронтовая». – придумал я на ходу. – Только пилоток надо солдатских где-то раздобыть...

– И девчонок маленьких, – подсказал Тимур.

– А Норка не согласится с подружками?

– Норка? – озадаченно посмотрел на меня брат. – Согласится, думаю. Но спросить все же надо.

– Ну и всё. Номер есть.

– А что это за номер, маршировать строем? – с сомнением спросил Мишка.

– А ты представь, малышек девять с бантами, в пилотках маршируют в ногу как военные. Выход на сцену десять шагов прямо, разворот на сорок пять градусов, пять шагов вправо к зрителям, какое-нибудь синхронное движение, типа ладонью глаза прикрыли от солнца высматривают врага, разворот вправо, марш пять шагов и так далее. И всё синхронно.

– А что, когда дети такое сделают, интересно будет, – согласился брат. – А где репетировать с ними будешь?

– В актовый зал попрошусь, прямо на сцене и репетировать после уроков...

А как же работа? Ой, что-то я много на себя взвалил.

Расставаясь, напомнил Славке, чтобы не забыл Кириешке сказать, когда будет записку отдавать, что я субботник школьный обязательно отработаю.

– И сегодня вечером репетиция у тебя на чердаке! – напомнил мне Тимур.

– Парни, только не сегодня! Завтра свадьба у мамы, – сказал я. Не говорить же им, что сегодня вечером я торт пеку у Галии. О, сметана! – Давайте, с понедельника начнём.

– Замётано. В понедельник вечером мы все собираемся на чердаке у Пашки! – объявил Тимур и мы разошлись по домам.

На работе с самого утра Ирина Викторовна добила от Шанцева подписи на приказе, и мы, разбившись на группы по пять человек, сразу пошли в первый, второй и третий цеха.

В моей группе оказалась Жанна Хачикян, чему я откровенно обрадовался. Её харизма никого не оставляла равнодушным. Пётр из их отдела тоже ходил с нами, и всё время её подкалывал, покусывал. Не давала она ему покоя. Я присмотрелся к нему, к ней. Оба выше среднего роста, он чуть старше, комплекцией оба отличались спортивной. Похоже, не меня одного поразила Жанкина жизнерадостность, она заряжала ею всех вокруг.

Работали мы по обычной схеме, получив список того, что должно быть, сверялись с тем, что видели по факту. Достался нам, естественно, второй цех, как самым везучим. Начальник цеха Кандыба неотступно следовал за нами и услужливо демонстрировал каждый объект учёта. Рабочие цеха, кучкуясь небольшими группами, искоса наблюдали за нами.

Список материальных ценностей состоял из нескольких частей, один включал в себя оборудование, второй – материалы и незавершёнку, а в третьем была готовая продукция, которую ещё не успели сдать.

Ещё в самом начале предложил Петру не тратить время на оборудование и готовую продукцию, а начать сразу с материалов. Мы так и сделали.

Кандыба на мгновение растерялся, когда мы не начали с самого дорогого, с оборудования. Рассчитывал, что пока до материалов доберёмся, устанем и бдительность потеряем? Как он под общую метлу ОБХСС-то не попал? Не может такого быть, что он о хищениях не знал. Начальник цеха с такими масштабными хищениями, что склад за пару недель под крышу ворованным набили, и чист? Сообщников слил и надеется, что они его не сдадут?

Скрытно понаблюдав за ним. Не похоже было, что у него земля под ногами горит, вёл он себя слишком спокойно. То ли нервы стальные, то ли в самом деле не замешан. Такое воз-

можно, если относится к типу руководителей, которые всю работу скидывают на зама, и им все по барабану. Лишь бы можно было спокойно отдыхать на рабочем месте!

Но пока решил исходить из теории, что он замешан. И тогда его спокойствие говорит о том, что всё здесь, что на виду, у Кандыбы сходится. Каморки все вскрывать надо и в подвал лезть. Но самому открыто настаивать на этом не хотелось. Мне пока для экстрима вполне братьев Зауровых хватает. Еще нескольких человек, жаждущих добраться до моего скальпа, мне не надо. Подрасти вначале надо, мышцы подкачать. Бегать быстро научиться.

– Глянь, – незаметно ткнул я Петра локтем и кивнул в сторону двери в помещение, где когда-то Вася-негр сортировал по вёдрам какие-то обрезки.

– А там что? – сразу спросил Пётр Кандыбу.

Дверь оказалась заперта. И ключи неизвестно у кого.

И что? Это всё? Мы обнаружили логово расхитителей? Не может быть, чтоб так просто.

Пётр стал требовать, чтобы нам немедленно предъявили содержимое этого помещения. В нём даже азарт разыгрался. Наивный. Не понимает, что ли, что это отвлекающий манёвр. Несколько таких запертых дверей в пустые помещения или с поломанными стульями и когда появится дверь, за которой окажется самое интересное, он ее уже не будет так рьяно требовать открыть. Разочаруется.

Знаем! Проходили...

– Может, не будем время тратить? – предложил я ему деланно равнодушно и лениво. – Опечатаем и пойдём дальше. Ключ найдут, досмотрим.

– Как опечатаем? – недоумённо посмотрел на меня коллега.

– Так. Листком бумаги и клеём конторским. Не опечатывали, что ли, ничего никогда? У нас в школе много дверей и шкафов опечатано...

– Ну, давай опечатаем, – Пётр жестом предоставил мне свободу действий, с интересом наблюдая за мной.

– Нужны ножницы, лист бумаги, можно использованный, химический карандаш и клей, – обратился я к Кандыбе, недоумённо уставившемуся на меня.

Проморгавшись, он поплёлся в свой аквариум. Ирония ситуации заключалась в том, что он сейчас вынужден был помогать разоблачать самого себя.

– Разрежьте, пожалуйста, лист на три полосы, – попросил я Кандыбу, когда он вернулся со всем необходимым. – Распишитесь много раз по всей длине полосы. У нас в школе печати ставят по всей длине, но у вас же нет своей печати, – болтал я непринуждённо. – А теперь мы распишемся все рядом. Вот так. Теперь намажьте полосу клеём густо, как обои, и наклеивайте на стык двери и косяка. Вот. Теперь надо дать указание кому-нибудь найти ключ от этого помещения. У вас есть зам? – невинно спросил я Кандыбу.

– Был, да в камере сейчас, – зло буркнул начальник цеха и заорал первому встречному: – Рыжий! Подь сюды!

Грубо велел одному из своих рабочих найти ключ от навесного замка, Кандыба повернулся к нам, демонстрируя готовность продолжать нашу проверку.

Встретившись глазами с ошарашенным Рыжим, я понял, что он понятия не имеет, где может быть ключ от опечатанной каморки. Не удивлюсь, если он окажется в кармане у Кандыбы.

Глава 5

23 апреля 1971 года. Второй цех Святославского механического завода.

До обеда опечатали ещё одну дверь наверху. До низу так и не добрались.

После обеда состоялось совещание, где Ахмад рассказал про опыт нашего звена всем остальным. Пётр с ним поделился, что ли? Ирина Викторовна предложила опечатывать сургучом, но после недолгого обсуждения, решили не возиться.

После обеда приступили, наконец, к осмотру бомбоубежища. Потрясающе раньше строили. Бетонные стены, прекрасно работающая гидравлика.

Опечатали руками Кандыбы ещё три помещения.

– Вот теперь пусть их вскрывает милиция, – шепнул я Петру, и он ушёл с докладом к Ахмаду, а мы вернулись на рабочие места.

Изольда сидела босиком, с непривычки ноги гудели. Они со своим звеном в первом цеху тоже две каморки опечатали. Ирина Викторовна, оформленная по приказу как председатель нашей комиссии, в хождениях по цехам не участвовала, а занималась координацией и обработкой результатов. Она с интересом слушала наш разговор, когда мы с Изольдой делились впечатлениями от первого дня хождения по мукам.

Ещё в каждом производственном цеху нужно пройтись по оборудованию и готовой продукции. Но это уже в другой день, члены комиссии и так еле на ногах стояли. Дальше по плану шли инструментальный цех, паросиловое хозяйство и гараж. Шанцев настоял также, чтобы проверка состоялась в столовой и клубе.

– Надеюсь, за неделю управимся, – сказала главбух. – А там и зарплата уже, иначе кто считать-то будет?

Вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа. Все слишком устали.

Разобрал на автомате путёвки и пошёл в комитет комсомола. Попросил Сатчана отпустить Галию пораньше, сославшись на семейные дела. Он, удивлённо вскинув бровь, без малейших возражений согласился. С чего это он такой покладистый?!

У подружки было прекрасное настроение. Она просто порхала, вся сияя. Оказалось, что Сатчан уже и её зачем-то посвятил в наши планы по моей учёбе, причем почему-то влил ей в уши, что я буду поступать в МГИМО, и Галия уже видела себя женой дипломата.

Неужели Сатчан это специально сделал, чтобы мне соскочить труднее было? А я-то еще совсем не определился, куда поступать буду. Попробуй сейчас скажи девушке, что она будет женой простого экономиста, закончившего МГУ, а не дипломата. Или это какой-то хитрый план Сатчана, по которому я должен закончить именно МГИМО и отправиться за рубеж надолго, унеся с собой и всю информацию по тем моментам, по которым оказал ему помощь в развитии карьеры? Как-то это все мудрено и со слишком большим задёлом на будущее, коли так.

По моей просьбе сначала зашли в гастроном. Галия осталась ждать у входа, а я зашел в магазин. Мишкина мать не подвела. Увидев меня, кивнула, через несколько секунд ушла с кассы, сказав покупателям подождать пару минут, и поманила меня в подсобку.

– Вот, держи, – сказала она, доставая из холодильника и протягивая мне небольшой желтый эмалированный бидончик с нарисованными на боку цветочками. – Смотри не показывай никому, неси аккуратно.

– Спасибо огромное! – искренне поблагодарил ее я, – очень выручили. Бидончик вечером Мишке верну.

Тетя Нина махнула рукой, довольно улыбаясь.

– Пожалуйста!

– Сколько я должен? – поинтересовался я. – На кассе надо пробивать?

– Не надо, ты что! – замахала руками Мишкина мать, – если услышат, что сметану пробиваешь, тут такое начнется. Я уже сама все сделала. Два рубля двадцать копеек с тебя. Рубль семьдесят литр сметаны стоит и пришлось еще доплатить за то, что отложили, сам понимаешь.

– Конечно. Спасибо еще раз! – я протянул деньги.

Тетя Нина кивнула, спрятала монеты и заторопилась обратно на кассу.

Я тихонько вышел из гастронома, стараясь «не светить» заветным бидончиком.

Галия шагнула навстречу, собираясь взять меня под руку и идти домой, но я попросил ее зайти в гастроном и купить оставшиеся в списке продукты. Не сообразил сразу, что сначала надо затариться необходимым, а потом уже сметану брать...

– Возьми, пожалуйста, печенье «К чаю» пачек шесть и десяток яиц, – попросил я девушку.

– А чего ты все не купил сразу? – удивленно поинтересовалась Галия.

– Раздобыл дефицит, – я кивнул на бидончик, – и на радостях забыл.

– А что там? – Галия с любопытством приподняла крышку. – Сметана что ли!

– Ага, – я улыбнулся.

Галия понятливо закивала и пошла в магазин.

Так, следующая остановка – дом, милый дом. Форма для выпечки на чердаке лежит, как и пакетик ванильного сахара – «страшный дефицит», раздобытый Никифоровной. Масло и сливки из холодильника не забыть взять. Нифига не жирные, конечно, но тут уж как есть. Будем экспериментировать.

Зашли с Галией ко мне, быстро похватал все необходимое и отправились, наконец, к ней домой. Чизкейк готовится просто, но долго. Технологию соблюдать надо.

По дороге снова говорили про «мое светлое дипломатическое будущее». Вот же Сатчан, зараза! Поднялись на этаж мы не сразу, решил постоять немного у подъезда, договорить с Галией спокойно, без посторонних ушей.

– Дорогая, в дипломатической службе не всё так радужно, – постарался я немного сбить её восторг, чтобы она дома лишнего не болтала. – Дипломаты как военные, в начале службы пошлют куда-нибудь к чёрту на кулички. В Новую Гвинею, например. И будешь пять лет папуасов, глядя в окно, считать, боясь на улицу выйти, где шестьдесят градусов в тени.

Галия удивлённо уставилась на меня. Видно было, что такой вариант развития событий ей в голову не приходил.

– А как же Париж?

– Это тебе Сатчан напел? Не слушай его. Париж если и будет, то гораздо позднее, перед отставкой. Без протекции в этих кругах не пробиться. И очень тебя прошу, ни в коем случае никому про все эти планы не рассказывай. Это очень важно. Даже своим домашним, – добавил я внушительно.

Галия задумчиво кивнула, восторга поубавилось. Когда мы поднялись на этаж, она была уже совсем спокойна. Только позвонила в дверь, как она тут же распахнулась.

Нас, похоже, ждали. В окно мать выследила, как обычно?

Но дальше все пошло не по плану. Галия с радостным визгом повисла на шее у незнакомого мне парня, который открыл дверь.

Успел тельняшку на груди рассмотреть, когда он отдирает от себя сестру, уперев в меня взгляд. Брат из армии вернулся. Форма не флотская, а в тельняшке. Десантник. Взгляд какой недобрый. Только этого мне не хватало.

Наконец он оторвал от себя Галию, а затем грубо втолкнул её в квартиру и закрыл за ней дверь, оставшись со мной наедине на лестничной площадке. Галия попробовала открыть дверь, но брат с таким раздражением захлопнул её, что она больше не пыталась.

– Ты осторожнее дверями-то хлопай, а то отдавишь сестре пальцы, – спокойно глядя ему в глаза сказал я и немного выждав, представился. – Павел.

Он долго смотрел на меня, прежде чем пожать мою руку.

– Марат, – буркнул он. – Мать говорит, ты за сестрой увиваешься?

А, понятно откуда ветер дует.

– Ну, во-первых, не увиваюсь, а ухаживаю. И, заметь, серьезно. Твои родители уже к моим знакомиться приходили.

Он с недоверием взглянул на меня. Явно задумался. Да и тон мой уверенный несколько его напор ослабил.

– И кстати, ты с отцом уже виделся? Что он про меня говорит? – решил я сделать контрольный в голову.

– Ничего... Не виделся ещё.

– Он на службе?

– Да... Но может и отпросится, знакомый побежал сказать ему, что я уже дома, – ответил Марат.

Вот же ж блин! Это просто эпический конфуз намечается. Хотел от брутального папани своей девушки затихариться, чтобы он над моими кулинарными увлечениями не потешался, так вот на тебе – придет сейчас. И вдобавок брателло из армухи нарисовался, десантник, туды его в качель. Тоже совсем не нежный цветочек и тоже в полной мере насладится моими плясками по кухне в передничке. Что делать-то?!

Мысли скакали в голове, отщелкивая вариант за вариантом. Первый сценарий, конечно, соскочить. Типа на вас тут радость нежданная десантировалась, развлекайтесь, а я пойду потихоньку... Но куда пойду? У кого есть духовка? Перебрав в голове варианты, нашел только один – у Игната... Просто мечта, а не вариант! Сбежать к нему в каталажку, ключи от хаты попросить на вечерок – такая себе идея. К Ахмаду нельзя, спалюсь перед своими. А больше ни одного знакомого с духовкой и не знаю. Похоже, придется идти до конца, других вариантов нет. Перефразируя известное выражение, вечер обещает быть томным...

– Ну отлично. Буду рад его видеть, – улыбнулся я и уверенно направился в квартиру.

Разувшись и помыв руки, пошел на кухню. Галия уже успела растрепать братцу о цели моего визита, так что я совсем не удивился, увидев его, с ухмылочкой сидящего на кухне. Как же, бравый вояка такое шоу не пропустит. Ну, хорошо, не тушуемся и действуем по плану.

– Есть что-то, чем можно печенье измельчить? – обратился к Галие, которая тоже стояла на кухне и нервно теребила край кофты.

– У нас только ступка есть и пестик, – смущенно ответила подруга, залезая в тумбочку и с заметным усилием ставя на стол тяжеленую с виду ступку. Судя по виду, каменную. С таким же пестиком.

Печаль, товарищи! Измельчить несколько пачек печенья в ступке. Намечается долгий вечерок.

– Сойдет. Спасибо!

– А передник дашь? – решил сразу предоставить возможность нашутиться братцу, а то уж извертелся весь.

Галия несмело посмотрела на меня и протянула нарядненький желтый передник с оборочками и в веселые цветочки. Идеально просто!

– И зачем тебе передник? – ехидно осведомился Марат, закидывая ногу на ногу и явно предвкушая, как я сейчас буду смущаться и что-нибудь мямлить оправдательное.

– Цвет глаз подчеркнуть, – невозмутимо ответил ему, демонстративно поправляя оборочки, – Галия, солнышко, а духовка у вас как регулируется?

Галия, сдавленно хихикнув, начала показывать, как включить духовку и как уменьшать/увеличивать в ней огонь. Увиденное заставило меня несколько встревожиться за будущее моего торта.

Регулировалась духовка на глаз. Ну, то есть там можно было сделать «небольшой огонь» и «еще чуть поменьше», что не давало ровно никакой информации о реальном нагреве. Прочно сидевшие в голове правила «поставить в нагретую до 160 градусов духовку и выпекать час и двадцать минут» в силу экстренных обстоятельств были заменены на «слушая свое сердце и опираясь на законы мироздания сделать небольшой огонь и усиленно молиться богам кулинарных наук, чтобы все сработало и торт получился как надо». Ибо что может быть хуже приготовления на кухне у любимой девушки торта в присутствии ее мужественных и весьма ехидно настроенных отца и брата – это, если этот самый торт вдобавок не получится!

Марат после моего объяснения про передник несколько впал в ступор, не найдя сразу достойного ответа. К счастью, наша едва начавшаяся пикировка была прервана матерью Галии, которая утащила сына в гостиную, чтобы дальше общаться с ним, расспрашивая о службе. Галия, покрутившись вокруг буквально несколько секунд, тоже упорхнула болтать с братом. Объяснимо, если подумать, давно ведь не виделись, соскучились.

Я остался на кухне один. Не так и плохо на самом деле. Вздыхнув, поставил в духовку масло, чтобы растопить, а сам начал ломать на кусочки печенье и кидать в ступку. Сметану вылил из бидончика в хлопчатобумажную ткань, положенную в дуршлаг, чтобы дать стечь лишней жидкости. Марли у бабули не нашлось – дефицит. Дала мне материю, которую иногда использовала, чтобы творог делать.

Печенье истолок на удивление быстро. Каменный пестик измельчал его просто на раз. Буквально в пару движений. Порции получались маленькие, но дело спорилось. Смешал измельченное печенье с растопленным маслом, тщательно перетер и распределил максимально тонким и равномерным слоем по дну и бортам формы, тщательно уплотняя пальцами. Поставил в духовку на 10 минут, помолился кулинарным богам, достал. Вроде пока все неплохо. Не подгорело. Нагрев на удивление равномерный.

Переложил сметану в миску. Посмотрел, не так уж и много жидкости с нее стекло. Хорошая сметана, высший сорт. Молодец, тетя Нина! Добавил немного сливок, потом начал аккуратно по одному вмешивать яйца. По рецепту надо три, но подумав, вмешал четыре. Сливки жидковаты, да и сметана – это не сыр «филадельфия», подстрахуюсь. Перемешал пакетик ванильного сахара с обычным и тоже добавил в смесь. Ну, была не была, приступаем.

Влил смесь в форму и закинул в духовку выпекаться, предварительно поставив внизу духовки большую емкость с водой. Использовал для этих целей чугунную сковороду, которую нашел в одной из тумбочек. Все. Теперь только ждать. Час двадцать, мать его! А потом еще час с выключенной духовкой и приоткрытой дверцей. Итого почти два с половиной часа в теплой компании без возможности сбежать и с неизвестным результатом. Хоть бы этот чертов чизкейк получился. Угораздило же меня такой подарок маме на свадьбу придумать. Лучше бы сервиз ей чайный купил. Хотя нет, сервизы ужасны. Ждем торт. А вот и папа с работы пришел, судя по приветствиям в прихожей. Вот радость то!

Выждал немного, пока отец Галии с сыном здоровался и первые восторги по случаю его возвращения высказывал. Подумав, снял передник, повесил его на спинку стула. Ну нафиг! Грязная работа закончена, испачкаться вроде не должен. Да и незачем напрашиваться. От брата я могу отшутиться, разница в возрасте небольшая, а вот отца отбивать не хочется. Мы с ним вроде только подружились. Незачем все портить. Вышел с улыбкой в коридор, поздоровался с Загитом.

Тот совершенно не ожидал меня увидеть, удивленно посмотрел на дочь.

– Сестренка кавалера себе нашла, слов нет, – тут же встрял Марат, – он тортик пришел к нам готовить, представляешь!

Лицо Загита стало еще более недоуменным. Теперь он смотрел уже на меня.

– Мама замуж завтра выходит. Подарок ей делаю, сюрприз, – пожав плечами, спокойно объяснил ему. – Спасибо еще раз, что разрешили вашей духовкой воспользоваться, – добавил, обращаясь к Галие и ее матери.

Загит мгновение подумал, переваривая информацию, потом пазл в голове у него сложился, и он кивнул.

– Свадьба – дело хорошее. Молодец! Хотя, конечно, я первый раз про такой подарок матери от сына слышу, – не удержался будущий тесть от подколки.

– Да уж, это точно, – подтверждающе фыркнул Марат.

– Мама сладкое любит. Ей должно понравиться, – дипломатично не стал хамить в ответ я.

На это возразить никто ничего не смог, поэтому дебаты свернули и переместились все в гостиную, общаться. Пока я шаманил с тортом на кухне, женщины успели натаскать в гостиную кое-какой еды, накрыли наспех стол. После прихода главы семейства они начали еще более активно суетиться, выставляя все, что было в холодильнике и в кладовой.

Марат по новому кругу начал рассказывать о своей службе, отвечая на расспросы отца.

Загит настоял, чтобы я с ними поужинал. Отказаться не было никакой возможности, да я и не хотел. Большое событие у Галии в семье, надо их приучать к мысли, что я тоже вхожу в число родственников. Да и глупо сидеть на кухне, ожидая, пока испечется торт, в то время, как будущие родственники общаются в гостиной.

Едва сели, за столом повисло неловкое молчание. Неприязнь матери и сына ко мне прямо висела в воздухе.

– А что, Марат, планируешь дальше делать? – спросил я, чтобы разрядить обстановку.

– В часть к батюшке служить пойду, – неохотно буркнул он.

Загит аж жевать перестал и молча уставился на сына.

– А какое у тебя образование? – поинтересовался я.

– ПТУ, автослесарь, – ответил Марат, откинулся на стуле и враждебно уставился на меня.

– Надо высшее образование получать. Заочно, как Галия. Не всю же жизнь ты в пожарных сидеть будешь? – сказал я, не опасаясь обидеть потенциального тестя, так как уже знал, как он к своей службе относится, не желает мужа-пожарного своей дочери и, наверняка, не захочет видеть в пожарных своего сына.

Марат же явно гордился отцом и после моих слов резко дёрнулся в мою сторону.

– Сядь! – стукнул по столу Загит. – И слушай, что тебе умный человек говорит.

– Ба-аать!... – не веря своим ушам, попробовал возразить Марат.

– Хочешь, чтобы твоя жена со слезами каждый раз тебя на службу провожала, боясь, что видит последний раз? – резко ответил сыну Загит. – Или хочешь, чтоб матери орден вместо тебя вручали? Хватит с неё! Достаточно настрадалась!

Последние слова Загит произнёс медленно и очень жёстко.

Мы с Галией и Оксаной сидели, притихнув, за столом и наблюдали эту битву титанов. Воздух, казалось, искрился. У Марата ноздри раздувались от переполнявшего его адреналина. Но авторитет отца сделал свое дело – через пару минут он успокоился. Остаток вечера прошел более-менее спокойно.

Едва торт испекся, я ушел, чтобы не мешать семье подруги праздновать возвращение сына. Чизкейк получился, так что возвращался домой я в отличном настроении. Акелла не промахнулся, несмотря на все происки Шерхана!

Сейчас это главное. А с Маратом будем решать позже. Отношения наладить надо, но процесс этот будет непростой. Чую, без мордобоя не обойдется.

Неся аккуратно завернутый торт прямо в форме, думал о странностях этой жизни. О том, что Юлька так неожиданно сломала себе жизнь. Может, конечно, и не сломала, но очень усложнила. Если ей здоровье позволит, надо два месяца до выпускного в школе доучиться молча, никому ничего не говоря о беременности. А иначе начнется беготня с районо и всякими комис-

сиями. Все нервы девчонке вытреплют. А после школы уже можно и свадьбу сыграть, кому какое дело?

Глава 6

23 апреля 1971 года. г. Святославль

Добравшись, наконец, до дома, поставил завернутый в полотенце торт в холодильник. Украшать буду позже, когда все угомонятся. Сейчас же в доме царил суматоха и предпраздничная суета. Хата гудела как растревоженный улей.

Мама стояла на табурете, а бабуля с Никифоровной на скорую руку подшивали прямо на ней подол платья, которое Ахмад привёз вчера из Брянска. Аришка ползала вокруг, всем мешая. Взял ее на руки, а то еще ухватит что-нибудь ловкими ручонками, добавит хлопот. Малышке передалось всеобщее возбуждение, и она рвалась у меня из рук, ей обязательно нужно было потрогать мамино белоснежное платье.

Белое, блин, платье! Ну, Ахмад, ё-моё, хорошо ещё фату не приволок.

Платье было ниже колен. Женщины решили его укоротить, типа, сейчас так носят. Спорный, конечно, момент, но влезать не стал, пусть делают, что хотят. Вон у мамы лицо как счастьем светится. Да все светятся. Хохочут без причины...

Ходил вокруг этого табора, забавлялся с Аришкой. Она только подлетала на моих руках к маме, только собиралась схватить её за что-нибудь, как я, в последний момент, уносил её в сторону.

– Убери её! – визжала мама. – Платье мне заляпаете!

– Ваааааа! – вопила Аришка, когда я не давал ей за что-нибудь ухватиться.

Шум, визг, хохот.

В этот момент открылась входная дверь, и на пороге появилась испуганная и уставшая Инка.

Немая сцена. Мы все замолчали от неожиданности. А сестра, изумленно озираясь по сторонам, пыталась понять, что у нас тут происходит.

Наконец, оценив обстановку, она кинулась ко мне.

– Солнышко моё!.. – забрала она малышку у меня из рук и разрыдалась, уткнувшись ей в спинку.

Малая испуганно оглянулась на меня, протягивая ручонки, и заорала во всё горло.

Забыла родную мать...

Бабушка, бросив подол маминого платья, подскочила к Аришке и принялась её успокаивать, глядя по голове и радостно приговаривая: «Ну что ты! Твоя мама приехала!».

Аришка отстранилась от Инны и, на полном серьёзе, разглядывала её, сверяясь со своей памятью. Наконец, она робко улыбнулась и прильнула к матери.

– Воротника и шапки твоей испугалась, – убедительно сказал я сестре, кивая на её меха.

На этом инцидент был исчерпан. Остаток вечера счастливая Инна не выпускала ребёнка из рук.

Хорошо, что она приехала. Уложив малую спать, мы проболтали с сестрой до глубокой ночи. Она делилась со мной своими проблемами и по жизни в целом, и кулинарными в частности. Она стала гораздо меньше готовить, как Петра перевели, и она осталась одна. Но всё равно молодец.

Инна хотела перевестись в интернатуру в областную больницу Ижевска. Там до точки, где теперь служил Пётр, всего двадцать шесть километров. Предварительно он уже сходил туда, ему сказали, пусть жена приезжает, придумаем что-нибудь.

– Как ты собираешься каждый день добираться до города эти двадцать шесть километров? – спросил я сестру.

– Петя узнавал, там у них автобус школьников возит каждый день в Ижевск, буду с детьми ездить.

– А в каникулы? – всё ещё сомневался я. – А летом?
– Там до дороги восемь километров. Петя за час её прошёл, – ответила сестра.
– Петя выше тебя на две головы. Он, может, и прошёл за час, а тебе два часа восемь километров топать.
– На попутке доеду.
Я не поверил своим ушам.
– Какая попутка?! Вы сдурели оба? – воскликнул я. – А дикие звери!? Ты в своём уме?! Там тайга кругом!
– Что ты так всполошился? – удивлённо посмотрела на меня сестра. – Дорога не всё время идёт через лес. Там колхоз, поля...
– Пьяные механизаторы! – закончил я за неё фразу. – Инна, не морочь никому голову! Доучивайся в Перми!

Она вздорно пожала плечами, и я понял, что не убедил её. Мы разошлись по кроватям. Я спать не собирался, мне еще торт украшать, поэтому просто лежал и думал, ворочаясь, представлял себе, какие опасности могут поджидать наивную зелёную девчонку по дороге своим ходом из воинской части до города. Придумывал какими словами буду писать письмо Петру. Понятно, что он скучает без жены, но не до такой же степени!

Дождавшись, пока все уснули, и в хате воцарилась тишина, тихонько встал, пробрался на кухню. Прикрыв дверь, включил свет, достал чизкейк из холодильника. Из формы его доставать не буду до самой подачи, так что украшать пришлось прямо в ней. С оформлением вариантов особо не было, поскольку все самые лучшие вроде цитрусовых цукатов или свежих ягод мне были по объективным причинам недоступны. Решил использовать для украшения шоколад, пустив на это дело один из оставшихся «Тоблероне». Ножом аккуратно настругал шоколадной стружки, а несколько долек растопил на водяной бане, благо чайник на печи был очень горячим. Растопленным шоколадом как мог аккуратно сделал по центру большой контур в форме сердца. Заполнил его внутри шоколадной стружкой и из нее же сделал по краю торта небольшой бортик. Получилось вполне приемлемо.

Довольный результатом, вернул торт в холодильник и отправился спать.

* * *

С утра уже с шести часов все были на ногах. Мне вручили Аришку и заявили, что это моя проблема на всё утро, пока женщины наводят марафет.

Сообразив, что подходящего момента у меня в течение дня уже не будет, позвал всех на кухню, торжественно поздравил маму и вручил ей торт, объяснив, что сделал его ей в подарок на свадьбу, но вручить хочу сейчас, потому что потом не до этого будет.

Мама расплакалась, бросившись мне на шею с благодарностями. Подумал, как хорошо, что не стал тянуть с вручением. Если бы подарил, когда она уже макияж себе сделала, пришлось бы переделывать. Потом и мама, и бабушка, и Инна минут десять рассматривали торт со всех сторон, ахая, восторгаясь, спрашивая, что это за рецепт и изумленно глядя на меня. В кулинарных экспериментах я ранее замечен не был от слова совсем, а тут целый торт. Удивить своих домашних я сумел точно. Утихомирить женщин удалось, только намекнув, что они такими темпами гостей будут встречать в ночнушках.

После этого замечания чизкейк был водворен обратно в холодильник, а дамы понеслись приводить себя в порядок перед торжеством.

К девяти часам начали подтягиваться гости. Первой пришла коллега мамы и Ахмада, я видел её у них в кабинете. Потом заявила Никифоровна и принялась всех инструктировать по поводу подготовленных ею конкурсов для выкупа невесты.

– Анна Никифоровна! – воскликнул я. – Разве не подружки невесты должны выкупом заниматься?

– И они тоже. Мы так просто Полю не отдадим! Да, девчат?

– А то! – поддержала подругу бабушка и так задорно переглянулась с ней, что я уже больше ничему не удивлялся.

На мамину коллегу нацепили ленту свидетеля. Клара Васильевна и мама скрылись к приходу Ахмада с друзьями в маминой спальне.

ЗАГС был назначен на час дня. В одиннадцать Ахмад и Шанцев в сопровождении друзей и родственников были уже у нас. Шанцев, как свидетель со стороны жениха, бодался с Никифоровной по поводу назначенной ею штрафной рюмки. И дело было не в рюмке, он не прочь был выпить, а в принципе. Он, похоже, не ожидал увидеть здесь и сейчас Никифоровну, да ещё в главной роли. Свидетельница, увидев, кто свидетель, быстренько слилась, встала за спиной у Никифоровны и доверила ей свои обязанности.

Что за тёрки у Шанцева с Никифоровной? Не устроят ли они сейчас нам тут дуэль?

Но всё обошлось без мордобоя. Шанцев яростно преодолевал задание за заданием, грамотно привлекая друзей жениха в помощь. Сам не отлынивал, даже шампанское из туфли пил.

Но наших женщин так просто не возьмёшь! Ко времени, когда уже надо было выдвигаться в сторону ЗАГСа все мужчины, кроме меня и Германа в строгом костюме, были уже изрядно навеселе.

Наконец, Шанцев выкупил невесту. Я ошалело смотрел на то, как ему вывели кого-то полностью укрытого фатой. Это не мама, сто процентов. Она бы не стала фату надевать. И точно. Шанцеву подсунили Клару Васильевну в жутком боевом раскрасе.

И началось всё сначала.

Теперь уже Ахмад с завязанными глазами должен был наощупь узнать маму из трёх представленных ему девушек. Мама, Инна и свидетельница были плюс-минус одной комплекции. Задача перед Ахмадом стояла реально непростая, но он справился! Он просто щекотал их всех по очереди, и по визгу узнал маму.

Умели же раньше люди веселиться! Не то, что сейчас.

В смысле, сейчас умеют, не то что в будущем.

В ЗАГС поехали на двух машинах и автобусе. В чёрной волге Шанцева поехали мама, бабушка, свидетельница и Никифоровна. Ахмад повёз на своей копейке Шанцева, Инну с малышкой и меня. Остальные гости поехали к ЗАГСу на заводском автобусе.

У ЗАГСа к нам присоединились другие коллеги, родственники или друзья, которых я не знал. Целой толпой человек в двадцать пять мы заполнили зал торжественной регистрации. Важная работница ЗАГСа с высокой причёской и в строгом костюме сказала несколько пафосных слов про новую ячейку советского общества.

Ахмад поцеловал маму, у меня так сердце защемило, вспомнил, как дочь замуж выдавал.

Наша дружная толпа высыпала на улицу, раздались крики горько под хлопки шампанского.

* * *

Школа вместо уроков участвовала в общегородском субботнике по случаю дня рождения Ленина. Часть парней «10А» сразу забрали снимать шторы в кабинетах, их каждый год стирали к первому мая. Части девочек предстояло мыть окна в кабинете русского языка и в рекреации перед ним.

Остальные потащились разбирать грабли. Тимуру уже так надоела эта общественно-хозяйственная деятельность в школе и в больнице, что не было никакого желания грабли в руки брать.

Когда Диана предложила вместе вызваться приводить после зимы в чувство пионера-горниста, установленного во дворе школы, с радостью согласился. Там надо было помыть статую, пока сохнет, побелить бордюры вокруг будущего цветника и покрасить саму статую в белый цвет, а постамент в коричневый.

Сестра нарыла где-то ведро и тряпку. Тимур таскал воду, она мыла. Старая краска облупилась и сходила целыми кусками. У них не было под руками ничего, кроме старой выдавшей виды берёзовой метлы. Вот ею Тимур и отскребал старую краску, если она сама не облуплялась. Все ободрали, и статую, и постамент, облили напоследок из ведра и оставили сохнуть.

Занялись бордюрами. Причесали их той же метлой, побелки было полно, народ из средних классов красил деревья и бордюры. Полянские отлили себе немного побелки в ведро у детворы, кисточку им выдали вместе с краской. Жаль, что только одну. Вдвоём быстрее бы управились. А так по очереди красить приходилось.

Пока они красили бордюр вокруг горниста, мимо них Мишка со Славкой несколько раз выносили на носилках старую листву, собранную девочками. Туда прошли с листьями, обратно с Маринкой на носилках, подвезти её решили. Дурачились как могли, чуть её не уронили.

Светило уже тёплое солнце. Из распахнутого окна на первом этаже школы неслась бравадная музыка из огромной колонки. Все были заняты, и все улыбались.

Домазывая коричневой краской постамент под горнистом, Тимур вдруг отметил, что не испытывает привычной досады от этой работы, которая появлялась каждый раз, когда ему приходилось отрабатывать после уроков свои косяки.

Наверное, это от того, что все работают, а не он один, решил Тимур.

* * *

Из родственников со стороны Ахмада были его братья и сестра Зарета с мужем. Сестра, младшая, лет тридцати. Сразу привлекла моё внимание. Высокая, стройная, спина прямая, сама как сжатая пружина. И чувствуется такая в ней сила духа, что я невольно восхитился этой женщиной. И хотя она вела себя очень скромно и говорила тихо, я почему-то был уверен, что она и с джигитовкой знакома, и шашку в руках держала.

И как Ахмада угораздило полюбить маму, полную противоположность Зарете? Единство и борьба противоположностей...

Муж Зареты, тоже чечен, высокий, с широкими плечами, совершенно нормальный мужик, весёлый, боевой, пихнул меня шутя в бок. Похоже я непроизвольно засмотрелся на его жену, думая о своём. По тому, как он расслабленно улыбался, я понял, что он не воспринимает меня всерьёз. Конечно, такому щуплый школьник не соперник ни в чём.

Переключился на него и братьев Ахмада. Перезнакомился со всеми.

Родной брат Ахмада Ваха был старше сестры, лет сорока. Получается, Ахмад у них самый старший. Ещё приехал двоюродный брат Ахмада Иса с сыном лет шестнадцати. Ахмад был очень рад встрече с ними, стоял, обнимая племянника.

— Умар, — скромно пожав мне руку, представился племянник, а сам не сводил глаз с моих джинсов.

Тут приехали Славка с Эммой на мотоцикле и остались с нами. Шанцев скомандовал по машинам, и я подошёл к сестре.

— Вот и всё. Мама замужем уже, — шепнул я Инне, испытывая двойственные чувства.

Она улыбнулась с пониманием, я взял у неё малышку, и мы направились к машине Ахмада.

До базы отдыха ехали минут двадцать пять – тридцать. Большой трёхэтажный корпус, вокруг чистый сосновый бор, больше напоминающий парковую зону. Пока выгружались, успел заметить несколько отдельно стоящих деревянных домиков и котельную.

Из автобуса высаживались гости с вещами. Заметил Валентину, жену Германа, с двумя мальчишками дошкольного возраста. Ну и правильно Герман подсуетился, семью вывез обстановку сменить.

Нас встречала строгая комендантша, распределяла всех по комнатам.

Наша школьная медсестра, по совместительству жена Шанцева, оказалась тут же. Она была уже без верхней одежды и в туфлях, видимо, заранее приехала. Она напутствовала всех, получивших номер: размещайтесь и быстро возвращайтесь в столовую.

Нас разместили на третьем этаже. Мне дали номер со Славкой. Бабушке с Инной и Аришкой, Эмму разместили с Кларой Васильевной и двумя мелкими братьями Эммы. Им досталась большая комната улучшенной планировки, в которую для малых поставили две раскладушки.

Остальным достались обычные двухместные комнаты, кровати с тумбочками, стол, два стула, встроенный шкаф. Туалеты и душевые на этаже.

Мы со Славкой быстро скинули куртки и поспешили к нашим. Есть уже очень хотелось, а женщины сейчас начнут красоту наводить.

В столовой столы сдвинули буквой П, застелили белыми скатертями, изрядно уже весёлая Никифоровна выступала тамадой, не давая никому покоя, замучила всех конкурсами, устроила показательный сбор подарков, заставляя каждого сказать новобрачным поздравительную речь. Часа на два нас хватило культурно отмечать, потом врубили музыку, начались танцы и гости разделились по интересам.

Воспользовавшись перерывом между официальной частью вечера и танцами мужчины высыпали на улицу покурить и проветриться. Мы со Славкой не стали отрываться от них. Его мотоцикл стоял тут же у крыльца, и моментально появились желающие прокатиться. Мужики выпили и дорвавшись, резвились как дети. По очереди носились, пересекая большую лужу. Мокрые, грязные.

Умар, вообще, как будто первый раз на мотоцикл сел, упал посреди большой лужи, встал, с него вода течёт вперемешку с грязью. Вывозились до такой степени, что Наталья Кирилловна Шанцева некоторых не пустила обратно в столовую, отправила переодеваться.

Вернувшись в столовую, нашёл взглядом своих и подсел к ним.

Мы с Инной опять зацепились языками, я рассказал ей про приезд отца. И про то, что мои одноклассники Полянские наши с ней брат и сестра.

Краем глаза заметил в дверях столовой Умара, в нерешительности топтавшегося у входа. На нём было поношенное синее трико с вытянутыми коленями вместо испачканных брюк. Больше надеть, видимо, нечего. Не брал вторые брюки с собой. А у меня что на смену? Домашние брюки, они не так паршиво выглядят, как треники Умара.

Сестра переваривала полученную только что от меня информацию. По её ошалелому виду я понял, что продолжать беседу пока рано, поднялся и пошёл к Умару.

Ему явно нужна была помощь. Появиться на свадьбе дядьки в старых вытянутых трениках это и по нашим меркам косяк, а по чеченским не знаю. Может, это для них вообще косячище!

– Пошли, – сказал я ему и повёл в наш со Славкой номер.

Сняв с себя джинсы, я протянул их ему.

– На, дарю, – сказал я, надевая свои домашние брюки.

Умар растерялся на мгновение, потом видимо, взвесив все за и против, быстро натянул джинсы. Мы оказались почти одного размера. Джинсы и у меня болтались на бёдрах.

– Ремень вденешь и нормально будет, – посоветовал Умару.

– Спасибо, друг! – сказал он, – не забуду!

– Да мы теперь уже как бы и родственники! – улыбнулся я, – какие между нами счета!

Он поспешил за ремнём, а я вернулся к сестре, которая всё ещё была под впечатлением от полученной информации о неожиданно обретенных родственниках. Удивлению её не было предела, её переполняли чувства. На лице отражалось то радостное удивление, то брезгливое отвращение.

– Как он мог? – спросила меня Инна об отце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.